
Б. В. Норик

**Роль шибанидских правителей
в литературной жизни Мавераннахра XVI в.**

Автор важнейших для изучения литературы Мавераннахра XVI в. антологий, Мутриби Самарканди (966—1037/1558—59—1627—28), выделяет три вида отношения поэта к правителю: придворный поэт, поэт, избегающий сильных мира сего и молящийся за него в тиши уединения, и поэт-гастролер, который путешествует от двора ко двору с целью хорошо заработать, одновременно избегая всех опасностей, подстерегающих поэтов первой категории¹. Одной из основных обязанностей придворного поэта было восхваление мецената. Труд придворного поэта считался почетным и хорошо оплачиваемым, но зачастую поэты, кроме сочинения стихов, ничего больше делать не умели (в отличие от поэтов-гастролеров, владевших, как правило, и другими ремеслами), поэтому им требовался покровитель, который мог бы оплачивать их труд — в противном случае

¹ Мутриби Самарканди, *Та'рих-и Джахангири*. Фотокопия рукописи № 3617 Библиотеки Индия Офис, л. 245аб. Здесь Мутриби отсылает читателя к одному из рассказов «Гулистана» Са'ади, в котором он говорит, что служение падишаху имеет две стороны: надежду на пропитание и страх за жизнь — и противоречит советам мудрецов. Кроме того, Са'ади (а вслед за ним и автор «Та'рих-и Джахангири») уподобляет служение падишахам морскому путешествию: либо найдешь клад, либо погибнешь (Муслих б. 'Абд Аллах Са'ади, *Куллият* (Техран, 1381/2002), сс. 45—48). Сам Мутриби, будучи и музыкантом и переписчиком, принадлежал к категории поэтов-гастролеров (подробнее о его «гастрольной» поездке ко двору императора Джахангира см.: Б. В. Норик, «Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI—XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди», *Письменные памятники Востока I/2* (Санкт-Петербург, 2005), сс. 203—205.

они были обречены на нищету². В связи с этим деятельность поэта тесно привязывается к покровителю, ко двору. По словам Дж. Мейсами, средневековая персидская поэзия возникла и развивалась под покровительством иранских династий, причем такое положение дел сохранялось вплоть до начала XX века³. Многие считали это негативным фактором и обращались к мистической поэзии, в которой находили внутренний личный опыт и способы борьбы с пагубной стороной придворного покровительства. Тем не менее исследования западной средневековой литературы показали, что покровительство двора было необходимым условием для появления выдающихся произведений⁴. Еще с саманидских времен деятельность поэтов была организованной. Поэты жили по большей части при дворах крупных феодалов и зачастую были вынуждены писать то, что от них хотели услышать. В свою очередь, покровитель часто подвергался шантажу со стороны поэта, выпрашивающего вознаграждение.

Вот яркий пример ремесла придворного поэта. Известный поэт второй половины XV — начала XVI вв. Камал ад-Дин Бина'и (857—918/1453—1512) начал с Герата. Через некоторое время поэт уже служит Йа'кубу Ак-Куйунлу (правил 884—896/1478—1490), затем он снова возвращается в Герат, потом к Шейбани-хану (правил 906—916/1500—1510), далее к Бабуру (ум. 937/1530) и, наконец, снова к Шейбани-хану. Политические обстоятельства меняются, а поэту надо на что-то жить. Потому-то он должен переходить от одного покровителя к другому,

² Г. Э. Грюнебаум, «Литература в контексте исламской цивилизации», *Арабская средневековая культура и литература* (Москва, 1978), сс. 32—33.

³ J. S. Meisami, *Medieval Persian Court Poetry* (Princeton, 1987), p. VIII.

⁴ Так, З. Н. Ворожейкина пишет: «Без знания эстетической основы придворной литературы нельзя рассчитывать на успех в научном постижении интенсивного и чрезвычайно сложного историко-литературного процесса, протекавшего в Иране и в географически сближенных с ним странах на протяжении тысячелетия. Без учета конкретных явлений, составляющих литературную жизнь средневекового двора, не может быть раскрыта и та роль, которая принадлежала в иранском средневековом обществе поэту» (З. Н. Ворожейкина, «Литературная служба при средневековых иранских дворах», *Очерки по истории культуры средневекового Ирана* (Москва, 1984), с. 54). См. также: Meisami, *op. cit.*, p. VIII.

сочинять *касиды*, возвышающие их до небес (сегодня одного, а завтра другого). Причем сами правители, похоже, относились к этому совершенно спокойно. Их не смущало, что вчерашний панегирист их врагов теперь восхваляет их самих. Главным критерием здесь является одаренность поэта. И тогда после недолговременной проверки на благонадежность его можно принять ко двору. Именно так и поступает Бабур, захватив Самарканд в раджабе 917 / октябре 1511 г. Бина'и тут же берется за дело и через некоторое время преподносит покровителю *рубайи*-просьбу, смысл которой заключается в следующем: «Срок испытания прошел. Пора начинать платить мне за труд». Бабур отвечает стихами. Начинается обмен «любезностями», но скоро все заканчивается: Шейбани-хан снова захватывает Самарканд, и Бина'и возвращается к нему. После захвата Мухаммадом Шейбани Герата Бина'и возвращается туда и становится одной из ключевых фигур в местном литературном обществе.

XVI век стал поворотным в истории персидской литературы: разделение на три основных ареала бытования (Иран, Индия и Мавераннахр) стало как никогда отчетливым. Однако некоторые особенности оказались присущи всем трем ареалам. В частности, в начале века отмечается снижение интереса правящей верхушки к поэзии. Особенно ярко это было выражено в Иране и Мавераннахре, где примерно в одно и то же время сменились династии. И Сафавиды, и Шибаниды избрали в качестве фундамента для своих новых государств религиозную идеологию. В таких условиях правителям было не до высокой поэзии: она им была нужна лишь как средство пропаганды и укрепления государственной идеи. Тем не менее довольно скоро все вернулось в старое русло: правители почувствовали вкус к полноценным развлечениям и восхвалениям (последнее породило очередную расцвет жанра придворной *касиды*)⁵. В то же время появилось больше поэтов-ремесленников. Эти поэты были независимы от двора, создавая кружки, альтернативные придворным.

⁵ Так, А. Н. Болдырев отмечает, что «ближайшим следствием установления шейбанидского господства в Мавераннахре явилось восстановление деятельности литературных кружков и соответственное возрождение придворной историографии, светской (лирической и панегирической) и духовной (суфийской) поэзии» (А. Н. Болдырев, *Зайн ад-Дин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии)* (Душанбе, 1989), с. 153).

Поэзия таких альтернативных кружков использовала простонародный язык и яркие доступные образы, заимствованные из городской ремесленной жизни. Эта поэзия нередко остроумна и обаятельна. И все же едва ли мы сможем назвать хотя бы одного поэта-ремесленника, составившего достойный внимания поэтический *диван* и тем самым оставившего неизгладимый след в истории персидской литературы. Так, один из наиболее крупных и талантливых, по мнению автора данной статьи, поэтов Мавераннахра XVI века, ‘Абд ар-Рахман Мушфики (عبد الرحمن مشفقى), был профессиональным придворным поэтом⁶, что не мешало ему, наряду с нежными лирическими *газалиями* (нередко, кстати, включающими в себя несколько более сниженную лексику в сравнении с той, что приличествовала этому жанру) и пышными придворными одами, писать потрясающие своей откровенной пошлостью и скабрзностью пародии.

Обратимся теперь к представителям правившего в Мавераннахре в XVI в. дома Шибанидов и посмотрим, каковы были их отношение к поэзии и степень участия в литературной жизни той эпохи.

Характеризуя создателя сильного узбекского государства кочевников, потомка Джучи и его сына Шибана — **Абу ал-Хайр-хана** (ابو الخير خان) (ум. 872/1468), А. А. Семенов пишет: «В какой мере был грамотен Абулхайр-хан, трудно сказать, но он был, несомненно, не чужд литературных интересов, а при завоевании крупных городов не проявлял обычной для того времени жестокости... ясно, что Абулхайр вел себя в занятом им Хорезме не как грубый степной хан, а как культурный человек и имел общение с самым ученейшим человеком своего времени Камал ад-Дином Хусейн-е Хорезми, автором многих трудов и учеником Абу ал-Вефа, одного из великих суфийских *шайхов* Хорезма (ум. в 835/1431—32)»⁷.

⁶ Я не разделяю мнения А. Н. Болдырева о том, что «обстановка процветающего феодального двора... убила дарование Мушфики...» (*ibid.*, с. 152).

⁷ А. А. Семенов, «Культурный уровень первых Шейбанидов», *Советское востоковедение* III (1956), сс. 52—53. Хафиз-и Таныш пишет, что Хусайн Хваризми (потомок Наджм ад-Дина Кубры, ум. 839/1435—36) написал на тюрки комментарий к «Касидат ал-бурда» (*касиды* о плаще Мухаммада) Абу ‘Абд Аллаха Мухаммада ал-Бусири (608—694/1211—1295), посвященный Абу ал-Хайру. Автор приводит два *бейта* в форме

Внук Абу ал-Хайра, **Мухаммад Шейбани**, после смерти своего отца Будаг-султана вместе с братом Махмуд-султаном попадает на воспитание к своему деду. Их обучением занимался прежний наставник Будаг-султана — уйгур Байшейх. Ставя Шейбани-хана в один ряд с самыми выдающимися людьми тимуридской эпохи, А. А. Семенов отмечает: «И наиболее примечательным в этом богато одаренном человеке было то, что свое большое образование он сумел приобрести среди многих превратностей судьбы своей молодости, когда жизнь бросала его от преследования врагов усыновившего его деда то в Астрахань, то на берега Сырдарьи, то в Мангышлак, то в Бухару и Самарканд. И этот человек, прошедший суровую школу жизни, сын степей, оценил все значение науки цивилизованного оседлого общества»⁸. Живя в течение двух лет в Бухаре, Шейбани активно занимался своим образованием под руководством Мухаммада Хитайи (محمد خطایی) (одного из лучших тцецов Корана), а также был учеником суфийских *шайхов* Джамал ад-Дина ‘Азизана (جمال الدين عزيزان) и Мансура (منصور)⁹. Таким образом, в области богословия будущий завоеватель империи Тимуридов был подготовлен основательно.

Политический противник Мухаммада Шейбани, Бабур (بابر), крайне низко оценивает достоинства своего оппонента: «Не смотря на свою безграмотность (досл.: “простоту”, “неотесанность” (عاميلىق). — Б. Н.), [Шейбани-хан] учил Кази Ихтиара и Мухаммада Мир Юсуфа — знаменитых и даровитых гератских ученых — толковать Коран; взяв в руки перо, он исправлял писания и рисунки Султан Али-и Машхади и художника Бехзада. Иногда он сочинял несколько безвкусных стихов и приказывал читать их с минбара, а потом распоряжался вывесить эти стихи на базарной площади и брал с народа подарки. Хотя он вставал с зарей, не пропускал пятикратных молитв и хорошо знал науку чтения Корана, но произносил и совершал много подобных глупых, неразумных, бессмысленных и нечестивых

маснави, написанные Хваризми в честь Абу ал-Хайра (см.: Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *Шараф-нама-йи Шахи* («Книга шахской славы»). Факсимиле рукописи D 88, перевод с персидского, введение, примечание и указатели М. А. Салахетдиновой (Москва, 1983), i, с. 77, л. 28a).

⁸ *Ibid.*

⁹ Семенов, *op. cit.*, с. 54.

слов и поступков»¹⁰. Как видим, характеристика Бабура не полностью отрицательна: последний не отказывает Шейбани в благочестии и хорошем знании ремесла *хафиза*. Тем не менее если не считать слова Бабура полным вымыслом их автора, то в них можно найти скрытый психологический подтекст, штрих к психологическому портрету Шейбани-хана. Образованный человек никогда не станет исправлять творения, созданные руками признанных мастеров своего дела: если он чувствует нехватку знаний в какой-либо области, то либо смолчит, либо одобрит то, что признано. Если же он чувствует свою силу, то прекрасно может создать нечто лучшее и показать всем, «как надо». Подобная же деятельность скорее характеризует недалекого человека, не получившего систематического образования и считающего свои поверхностные знания достаточными. С этой точки зрения, характеристика, данная Шейбани-хану Бабуром не просто отрицательна, она убийственна. Местами Бабур просто издевается над своим заклятым врагом. Так, единственным хорошим поступком, который совершил в своей жизни Шейбани, основатель династии Великих Моголов назвал то, что предводитель узбеков наказал виртуозного музыканта Хусайна ‘Уди (حسین عودی) за «халтуру»: он принес негодный инструмент и играл плохо. Правитель «велел тут же на пиру надавать ему по шее»¹¹.

Конечно, Шейбани-хан навсегда остался для Бабура врагом: «Почти сто сорок лет столичный город Самарканд принадлежал нашему дому. Неизвестно откуда взявшийся узбек, чужак и враг пришел и захватил его»¹², хотя в то же время он признает, что его противником «был такой опытный, выдавший много битв и старый годами человек, как Шейбани-хан»¹³.

¹⁰ Захир ад-Дин Бабур, *Бабур-наме*, перевод М. Салье (Ташкент, 1958), с. 240; Zahir al-Din Muhammad Babur, *Babur-nama (Vaqa'yi')*, critical edition based on four Chaghatay texts with introduction and notes by E. Mano (Kyoto, 1995), p. 323; Сам-мирза Сафави, *Тухфа-йи Сами*, тасхих ва мукаддима аз Р. Хумайунфаррух (Техран, 1347/1968), сс. 27—28.

¹¹ Захир ад-Дин Бабур, *op. cit.*, с. 211; Zahir al-Din Muhammad Babur, *op. cit.*, p. 284.

¹² Захир ад-Дин Бабур, *op. cit.*, с. 101.

¹³ *Ibid.*, с. 102.

Фахри Харави (فخری هروی) в «Раузат ас-саладин» («Саду султанов»)¹⁴ кратко, но крайне положительно характеризует Шейбани-хана, отмечая, что, будучи тюрком по происхождению и прекрасно владея родным языком, хан иногда сочинял стихи на тюрки. Фахри проиллюстрировал свои слова двумя *бейтами* из *касиды* Шейбани-хана, сочиненной им в Машхаде в честь *имам* Резы:

طوس و مشهد کیم دیرلار لطف و احسان اندا دور
روضه سلطان علی شاه خراسان اندا دور
گنبدیننگ قبه سی عالمغه بولدی نوربخش
گوک ایرور کیم یرتو خورشید تابان اندا دور

Тус и Машхад, в которых, как говорят, милость и наивысшая красота,
В них райский сад султана 'Али, шаха Хорасана.
Вершина его купола стала миру светильником,
Это небо, ведь в нем солнце сияющее.

Кроме того, Фахри утверждает, что следующая *мисра'* Шейбани-хана пользовалась известностью:

بلبان تو که جانم بلبان آوردی

Твоим губам, что душу мою довели до ручки
(досл.: до губ)¹⁵.

Малик Шах-Хусайн Систани счел возможным поместить в своей масштабной *тазкира* иранского круга «Хайр ал-байан» («Лучшее разъяснение»)¹⁶ краткое упоминание о Шейбани-хане,

¹⁴ «Раузат ас-саладин» (روضه السلاطين) — антология известного литератора тимуридской-шибанидской эпох, Фахри Харави. Составлена ок. 960/1552—53 г. и посвящена правителю Синда и Татты Абу ал-Фатх-мирзе Шаху Хасану б. Шах-бек Аргуну (ابو الفتح میرزا شاه حسن). В антологии кратко повествуется о 80 правителях, имевших склонность к литературе (А. Гулчин Маани, *Ta'rix-i tazkira-йи фарси* (Техран, 1350/1971), i, сс. 644—649).

¹⁵ Фахри Харави, *Тазкира-йи Раузат ас-саладин аз Фахри Харави*, бе тасхих ва тахшиё-йе дуктур А. Хайампур (Табриз, 1345/1966), сс. 21—22.

¹⁶ «Хайр ал-байан» (خير البيان) — «всеобщая» антология, в которой упоминаются поэты от истока персидской поэзии, Рудаки, до поэтов, современных автору. Малик Шах-Хусайн Систани начал работать над этой масштабной антологией в 1017/1608 г., а закончил ее 30 джумада I 1019 / 20 августа 1610 г. Кроме того, в 1035/1625 г. и в 1036/1627 г. автор расширял и редактировал текст *тазкира*. Антология достаточно фундирована — в ней использовано более 30 источников, которые ав-

что само по себе показательно, учитывая то, что завершена антология была более чем через сто лет после смерти Шейбани. Однако кроме констатации того факта, что хан писал стихи на тюрки и фарси (и одного *бейта* на фарси в качестве иллюстрации), никакой существенной информации в памятке Систани нет¹⁷.

У Хасана Нисари в «Музакир-и ахбаб» («Воспоминания о друзьях»)¹⁸ есть рассказ о Шейбани-хане, который автор *тазкира* открывает сообщением о том, что хан до самой своей смерти был приверженцем братства наکشбандий¹⁹. Далее Нисари говорит о пребывании Шейбани в Бухаре, где он удостоил-

тор перечисляет в начале своего труда. «Хайр ал-байан» послужил одним из основных источников для самой масштабной антологии XIX в., «Маджма' ал-фусаха» Риза-Кули-хана Хидайата (зак. 1284/1867) (см. Л. П. Смирнова, «Предисловие», Малик Шах-Хусайн Систани, «Хроники воскрешения царей» (*Ta'rix-i ixtia al-muluk*), пер. с перс., предисл., коммент. и указ. Л. П. Смирновой (Москва, 2000), сс. 15—17; см. также Гулчин Маани, *Ta'rix-i tazkira-ha-ii фарси*, i, сс. 605—609).

¹⁷ Малик Шах-Хусайн Систани, *Хайр ал-байан* (микрофильм рукописи Ор. 3397 Британского музея), л. 412б.

¹⁸ «Музакир-и ахбаб» (مذكر احباب) — биографическое сочинение, *тазкира* среднеазиатского круга, написанное на персидском языке в 974/1566—67 г. (название антологии является хронограммой). Автор — Хваджа Баха ад-Дин Хасан (خواجه بها الدين حسن), пользовавшийся *тахаллусом* Нисари (نشارى). Труд разделен на *макала*, четыре *баба* и *хатима*. *Макала* повествует о правителях, имевших склонность к поэзии, и разделяется на два *баба*: первый — о султанах-чингизидах (включает в себя два *фасла* — умершие и здравствующие), второй — о султанах-чагатаидах (также два *фасла*). Четыре *баба* основной части построены по принципу: «видел — не видел, встречал — не встречал, жив — умер, в Бухаре — не в Бухаре». Всего в *тазкира* упоминается двести семьдесят пять поэтов (см. Гулчин Маани, *Ta'rix-i tazkira-ha-ii фарси*, ii, сс. 219—235; Болдырев, «Тезкире Хасана Нисари, как новый источник для изучения культурной жизни Средней Азии XVI в.», *Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа* III, сс. 291—300; С. А. Storey, *Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Biographers* (London, 1953), ii/2, p. 802; Норик, *op. cit.*, сс. 188—192).

¹⁹ Здесь Нисари приводит генеалогию братства до пророка Мухаммада (Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *Музакир-и ахбаб*, ба гас-хих ва мукабила ва мукаддима-йи С. М. Фазлаллах (Хайдарабад, 1969), сс. 15—17).

ся аудиенции у Низам ад-Дина Мира Мухаммада Накшбанди (نظام الدين مير محمد نقشبندی), внука Баха ад-Дина Накшбанди, *мазар* которого посетил Шейбани. Тот оставил последнего при *мазаре*, а когда пришло время благословил на завоевания. Нисари восхваляет мудрость хана и говорит, что тот интересовался поэзией, постоянно общался с учеными и что у него есть хорошие стихи. Автор *тазкира* приводит *та'рих* на смерть *шайха* Наджм ад-Дина Кубры (نجم الدين كبرى), составленный Шейбани-ханом²⁰. Нисари приводит удачный *туйуг* (تويوغ)²¹ Шейбани и тут же оговаривается, что такая форма стихов применима и в арабском стихосложении, подкрепляя свои слова *руба'и*²².

Далее со слов других Нисари приводит рассказ о том, что когда Шейбани-хан выступил в поход против хазарейцев, он сочинил *газаль* на тюрки и отправил ее *шайх ал-исламу* Герата и *кази* Ихтийару. Однако, поскольку последний языка тюрки не знал, хан и составил начало этой *газали* на тюрки²³. В завершение Нисари говорит, что Шейбани-хан погиб в битве с кызыл-башами в селении Махмуди в районе Мерва в возрасте шестидесяти трех лет в одну из пятниц месяца рамадана 916 / декабря 1510 г. Год его смерти зашифрован в словосочетании «سرخ کلاج» (т. е. *кызылбаш* = 916 г.)²⁴.

²⁰ К сожалению, издание Фазлаллаха заставляет воздержаться от цитации тюркских стихов, помещенных в «Музакир-и ахбаб».

²¹ Нава'и называет *туйуг* полным *таджнисом* (Алишер Навои, «Суждение о двух языках», *Сочинения* (Ташкент, 1970), х, с. 116). Полный *таджнис* — «это употребление двух слов, имеющих одинаковое написание и одинаковые огласовки, но различных по значению» (Шамс ад-Дин Мухаммад Ибн Кайс ар-Рази, «Свод правил персидской поэзии» (*Ал-Муджам фи маайир ашар ал-аджам*). II: *О науке рифмы и критики поэзии*, пер., исследование и коммент. Н. Ю. Чалисовой. *Памятники письменности Востока CVI* (Москва, 1997), сс. 214, 216).

²² Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 21—23.

²³ *Ibid.*, с. 20. Сам-мирза пишет, что когда Шейбани захватил Герат, то послал туда *матла'* и хочешь не хочешь получил 40 *туманов-кепеки*, что равнялось двумстам табризским *туманам*:

قاضى و قيزوقاز و قوزى و قميز كرك
اى مردمان شهر هرى بارچه ميز كرك

Нужен судья, девушка, гусь, ягненок и кумыс.

Эй, жители Герата, все нам нужно.

Сам-мирза добавляет, что остальные стихи Шейбани-хана написаны в том же духе (Сам-мирза Сафави, *op. cit.*, сс. 27—28).

²⁴ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 21—22.

Итак, Нисари, отдавая должное основателю новой династии, все же пишет о его литературных талантах достаточно сдержанно, а в рассказе приводит больше своих стихов, чем стихов Шейбани-хана.

Более подробный материал в этом отношении мы можем почерпнуть из сочинения Ибн Рузбихана (ابن روزبهان) «Михман-нама-йи Бухара» (مهمان نامه بخارا) («Записки бухарского гостя») (зак. 915/1509). Так, например, говоря о событиях, происшедших в деревушке Каср-и 'Арифан (قصر عارفان), где родился и умер Баха ад-Дин Накшбанд, Ибн Рузбихан отмечает, что самым заметным из них было сочинение Шейбани-ханом ряда *касид* на тюрки, в частности, «касыды, которая содержит в себе тайное собеседование с богом; количество благодеяний и милостей, оказанных чертогом благоволения всемогущего [бога] пророку, в этой касыде упомянуто красноречивейшим образом... Когда эту касыду читали в августейшем собрании и в конце ее упоминались некоторые из чудесных свойств храбрости, завоевания стран, мероприятия для... захвата крепостей ключом сверкающего меча, которые были осуществлены растущим день ото дня могуществом высокостепенного ханского величества, у присутствующих от необычности тех дел возрасало изумление»²⁵. В местечке Гидждуван Ибн Рузбихан пересказывает для собравшихся содержание суфийской *газали* Шейбани-хана в двести пятьдесят *бейтов* и, с согласия последнего, пишет к ней комментарий (семь *бейтов* с комментариями автор приводит в «Записках») ²⁶. Автор «Записок» расхваливает весеннюю *касиду* Мухаммада Шейбани и пишет стих в ее похвалу²⁷. Однажды во время пира была прочитана *газаль* Шейбани-хана, содержание которой «рассказывает о величии этого праздника и название газели указывает на совершенство набожности и скромность его величества»²⁸. Упоминается также и *газаль*, сочиненная Шейбани-ханом по пути из Келата в Машхад, посвященная *имаму* 'Али б. Мусе²⁹.

²⁵ Фазл Аллах Ибн Рузбихан Исфাহани, *Михман-наме-йи Бухара* («Записки бухарского гостя»), пер., предисл. и прим. Р. П. Джалиловой. *Памятники письменности Востока XXVII* (Москва, 1976), с. 65.

²⁶ *Ibid.*, с. 70.

²⁷ *Ibid.*, с. 112.

²⁸ *Ibid.*, с. 115.

²⁹ *Ibid.*, с. 167.

Невольно создается впечатление, что сочинение стихов не было органической потребностью Мухаммада Шейбани. Большая часть стихов хана посвящена самовосхвалению и написана по случаю удачных походов. Стихи для Шейбани-хана не были простой забавой — он прекрасно понимал силу поэзии как средства пропаганды. Вся деятельность основателя династии Шибанидов была направлена на легализацию и утверждение новой власти. Для этого он использовал ислам. Хан всячески старался подчеркнуть свою богоизбранность, говорил, что действует на основании Корана и подчиняется Высшему авторитету. На его *маджлисах* основным видом развлечения были диспуты на богословские темы. Ибн Рузбихан утверждает, что Шейбани-хан никогда не устраивал *маджлисов*, не соответствовавших законам *шари'ата*, а все свое свободное время он посвящал молитве, чтению Корана и богословским диспутам³⁰. Так что Шейбани-хан был больше политиком и богословом, чем поэтом³¹. Стихи его писались, по большей части, с пропагандистскими целями и должны были подчеркнуть просвещенность правителя, создать положительный образ хана среди народа. Именно для этого он развешивал свои стихи на базарных площадях и делал все, чтобы с ними ознакомилось как можно больше людей. Хан писал в основном на тюрки. Кроме того, он велел своим поэтам перевести на тюрки «Шах-наме» Фирдауси³². Перед ханом стояла сложная задача — вывести верховную власть из создавшегося кризиса и на базе новой идеологии построить свою империю. Основой этой идеологии стал ислам, который проповедовали тюркским кочевникам Ахмад Йасави и его последователи. Ахмад Йасави приблизил духовные ценности к общей массе кочевников, несколько «понизив» стиль классической литературы³³. Шейбани-хан владел обоими стилями (яркий образчик вы-

³⁰ *Ibid.*, с. 157.

³¹ По мнению авторов коллективной монографии, посвященной истории узбекской литературы, стихи Шейбани-хана ограничены и в художественном отношении несовершенны (*История узбекской литературы* (Ташкент, 1987), i, с. 393).

³² Сам-мирза Сафави, *op. cit.*, сс. 27—28.

³³ В то же время Де Уис полагает, что «Ахмаду Йасави едва ли следует приписывать какую-либо особую роль в исламизации Центральной Азии или тюркских кочевников, как это часто утверждается...» (см.: Д. Де Уис, «Ахмад Йасави», *Ислам на территории бывшей Российской империи IV*, с. 11).

сокого стиля в его исполнении — дидактическая *касид* «Бахр ал-худа» (بحر الهدى) («Море наставления»). В то же время в «Рисала ал-ма‘ариф» (رساله المعارف) («Трактате о мистическом познании») и своем поэтическом *диване* хан активно использовал эту «пониженную» лексику, чтобы быть понятным широким слоям своих подданных³⁴. Преследуя те же цели, Шейбани-хан создавал свою историографию, свою историю. Поэзия тоже должна была стать своей.

Гораздо большего внимания, с точки зрения истории персидской литературы первой половины XVI в., заслуживает племянник Шейбани-хана, единственный сын Махмуд-султана (محمود سلطان) (858—911/1454—1505), ‘Убайд Аллах-хан (عبيد الله خان) (892—946/1487—1540), с именем которого связано образование самого значительного придворного литературного кружка в Шибанидском Мавераннахре первой половины XVI в. Ибн Рузбихан дает ему такую характеристику: «...благороднейшая особа султана Убайд Аллаха — это собрание царственных благородных нравственных качеств и бесконечно совершенных свойств. Все умственные силы и доблесть он с полной отвагой сосредоточил на завоевании мира. Он с упорством приступил к [изучению] разного рода наук и знаний, соблюдая религиозные обязанности и царственное послушание. В Бухаре он читал у меня, бедняка, книгу «Хисн-и хасин»³⁵.

Хасан Нисари начинает свой рассказ о хане с упоминания о том, что ‘Убайд Аллах сопровождал своего дядю в большинстве военных походов. Его духовным наставником был Амир ‘Абд Аллах Йамани (امير عبد الله يمني) (братство накшбандийя)³⁶. Автор антологии кратко говорит о завоевании ‘Убайд Аллахом Мавераннахра, после смерти Шейбани-хана вышедшего из под власти его потомков, — в 917/1511—12 г. он захватил Бухару

³⁴ A. J. E. Bodrogligeti, “Yasavi ideology in Muhammad Shaibani Khan’s vision of an Uzbek Islamic Empire”, *Journal of Turkish Studies* XVIII (1994). *Annemarie Schimmel Festschrift*, pp. 41—42, 47—48.

³⁵ Фазл Аллах Ибн Рузбихан Исфажани, *op. cit.*, с. 67. Сочинение *Ал-Хисн ал-Хасин мин калам Саййид ал-мурсилин* (من الحصن الحصين من كلام سيد المرسلين) («Неприступная крепость из речений Господина Посланников») представляет собой сборник *зикров* (зак. 791/1386, автор — ал-Джазари (الجزري)) (*Арабские рукописи Института Востоковедения. Краткий каталог*, под ред. А. Б. Халидова (Москва, 1986), с. 172).

³⁶ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 23—24.

и весь Мавераннахр, а в 918/1512—13 г. он побеждает знаменитого полководца Наджм-и Сани:

و در سال نهصد و هژده غزاة نجم ستاره سوخته بد اختر واقع شده، و کوکب
طالعش از اوج عزت بحضیضی مذلت هبوط نموده در آفتاب زوال محترق وبال
گشته و دُرّه تاج و هاج ابتهاجش از رأس به دنب منتقل گردیده است. بیت: شد ز
آتش محاربه سنیان پاک نجم ستاره سوخته رافضی هل.

«И в 918 г. воины Наджма, звезда которого догорела, оказались под несчастливой звездой, и планета его гороскопа из зенита величия скатилась в надир унижения и догорела на солнце, грехи пожигающем, и жемчужина сияющего венца его радости переместилась с головы вниз³⁷. Бейт: “В огне битвы с чистыми и благородными суннитами // Сгинул Наджм, несчастный еретик”»³⁸.

Говоря о хорошей научной подготовке ‘Убайд Аллаха, Нисари отмечает, что он «высокие смыслы выражал в прекрасных речениях»³⁹. Такое *руб‘а’и* он отправляет своему *муришду* Маулана Хваджаги⁴⁰:

احول نیم ای دوست یکی دو بینم هر چیز که بینم همه با او بینم
مستغرق هو چنان شدم در همه حال هو گویم و هو بشنوم و هو بینم

О, друг, не косоглазый я, а вижу в одном двоих,
Все, что вижу — вижу с Ним.
В любом состоянии я настолько погружен в «Хува»,
Что вижу [только] «Хува», слышу «Хува», говорю «Хува».

³⁷ Здесь автор «Музакир-и ахбаб» прекрасно обыгрывает три синонима слова «звезда» в самом начале пассажа (имя полководца Наджм по-арабски значит «звезда»).

³⁸ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 25. См. также: Искандар-бек Туркман, *Та’рих-и ‘Аламара-йи ‘Аббаси* (Техран, 1334/1955), i, сс. 40—41.

³⁹ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 26.

⁴⁰ Имеется в виду Хваджаги Касани, известный как Махдум-и А‘зам. Касани написал о хане в одном из своих сочинений и сделал его своим «полномочным *халифа*» (Мухаммад Юсуф Мунши, *Муким-ханская история*, перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А. А. Семенова (Ташкент, 1956), с. 53). Мунши сообщает, что имя хану было дано в честь Хваджи Ахрара самим «князем суфиев» по просьбе отца ‘Убайд Аллаха (*ibid.*, с. 53).

Маулана Хваджаги написал толкование на это *руба'и*, где описал все известные *макамы*⁴¹.

Хадисам ‘Убайд Аллах обучался у Хваджи Маулана Исфահани (خواجہ مولانا اصفہانی), *фикху* — у Махмуда ‘Азизана (محمود عزیزان), искусству рецитации Корана — у Йар-Мухаммада Кари (یار محمد قاری), который не допускал до чтения неопытных, а людей с плохой дикцией и близко не подпускал. Перу ‘Убайд Аллаха принадлежит *тафсир* на тюрки «Кашшаф-и фаза’ил» (کشاف فضائل) («Толкователь мудрости») ⁴². Он хорошо писал *на-схом* и своей рукой переписал тридцать отрывков из Корана, которые читались в благочестивых собраниях. Был знаком и с музыкой⁴³.

Хасан Нисари ничего не говорит о сборнике тюркских стихов ‘Убайд Аллаха — «Диван-и ‘Убайди»⁴⁴, переписанном по его указанию знаменитым гератским каллиграфом Султан-‘Али Машхади (سلطان علی مشہدی) (ум. 926/1520)⁴⁵. Он лишь помещает на страницах своего сочинения три *газали* на арабском, персидском и тюрки, в *макта* ‘которых их автор использует *тахаллус* ‘Убайди. В рукописном фонде ИВ АН Узбекистана хранится список «Куллийят-и ‘Убайди» (کلیات عبیدی)⁴⁶, содержащий стихи ‘Убайд Аллаха на арабском, персидском, тюрки⁴⁷. В качестве образца приведем арабскую и персидскую *газали*:

حیرنی جماله و انظرنی کماله	کل لسان و اصف فی صفة جماله
اضعفی و فاقه کملته اشتیاقه	احرقنی فراقه فی طلب وصاله

⁴¹ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 26—27.

⁴² *Ibid.*, сс. 26—27.

⁴³ *Ibid.*, с. 27. Здесь Нисари рассказывает о завоевании Герата ‘Убайд Аллахом 18 сафара 936/23 октября 1529 г., присовокупляя к этому некоторые сведения о самом городе. Говоря об усердии ‘Убайд Аллаха в деле ремонта бухарских зданий, автор *тазкира* приводит общие сведения о происхождении и истории города (по большей части легендарные), а также дает краткую биографию Ибн Сины (370—428/980—1037). Кроме того, Нисари приводит дату постройки *мадраса* Мир-и Араб, зашифрованную в словах «مدرسه عالی میر عرب» (=942/1535—36 г.) (Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 28—37).

⁴⁴ London, British Library, Add. 7907.

⁴⁵ О. Ф. Акимускин, «Библиотека Шибанидов в Бухаре XVI в.», *Известия АН Республики Таджикистан. Серия: востоковедение, история, филология* 1/25 (1992), с. 14.

⁴⁶ Инв. № 8931.

⁴⁷ *История узбекской литературы*, с. 394.

عز و جل ذکره و لا اله غیره حیرة کل واصف فی صفة حلاله
 من عشق لفاه یحرقه فراقه کیف یکون حاله من رحم بحاله
 طالبک عبیدک منه هو یریدک فاعطه مراده انت یرید باله

Красота Его приводит меня в изумление и взирает на
 меня Его совершенство,
 Все языки в один голос восхваляют качества Его красоты.
 Истощает меня согласие с ним, так же как и стремление
 к Нему,
 Сожгла меня разлука с Ним в стремлении к свиданию
 с Ним.
 Велико и славно упоминание [имени] Его и нет иного
 Бога кроме Него,
 Всеобщее изумление ярко определяет Его полноту.
 Кто любит встречи с Ним, того сжигает разлука с Ним,
 Каким только может быть экстаз от погружения в Его
 состояние!
 Ищет Тебя раб Твой — от него он желает Тебя,
 Воистину,⁴⁸ познавая Его желания, ты познаешь Его сущ-
 ность .

بوی ارباب وفا از گل ما می آید کعبه زان رو بطواف دل ما می آید
 نیست سر منزل ما قابل هر نا اهل هر که اهل است بسر منزل ما می آید
 چهره افر وخته امشب ز می آن سمع بتان بهر افر وختن محفل ما می آید
 هر کجا درد دلی هست عبیدی حاصل بطواف دل بی حاصل ما می آید

Наша земля издает благоухание людей веры,
 Посему Ка‘ба совершает *tavaḥf* вокруг наших сердец.
 Нет доступа на нашу стоянку непосвященным,
 Лишь посвященные приходят туда.
 Сегодня вечером лик озаренный от вина того радения
 идолов,
 Приходит, чтобы осветить наше собрание.
 Всюду, где есть достигший рабства суфий,
 Он приходит, чтобы совершить *tavaḥf* вокруг нашего
 бесплодного сердца⁴⁹ .

⁴⁸ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 39.

⁴⁹ *Ibid.*, с. 39. В конце своего рассказа об ‘Убайд Аллах-хане Нисари сообщает, что в 940/1533 г. хан становится верховным правителем всех узбеков Мавераннахра, а также приводит дату кончины правителя — один из понедельников месяца зу ал-хиджжа 946/1540 г. (*ibid.*, сс. 41—42).

Интересна характеристика, данная ‘Убайд Аллаху Мирзой Хайдар-Дуглатом (میرزا حیدر دوغلات) в его сочинении «Тарих-и Рашиди» (تاریخ رشیدی) («Рашидова история») (зак. 953/1546). Так же, как и Ибн Рузбихан, Мирза Хайдар говорит о подлинной религиозности ‘Убайд Аллаха. Относительно же почерков автор «Тарих-и Рашиди» отмечает, что племянник Шейбани-хана писал семью почерковыми стилями, а лучше всего — *насхом* и *насх-и та‘ликом*. Своей рукой он сделал несколько списков Корана (а не тридцать как у Нисари) и отослал их в Мекку и Медину. В его библиотеке хранилось большое количество *диванов* персидских, арабских и тюркских поэтов. Ряд его музыкальных произведений исполнялся и после смерти их автора. И в завершение Мирза Хайдар говорит, что Бухара времен правления ‘Убайд Аллаха по своему блеску и состоянию культуры напоминала Герат времен Султан-Хусайна Байкары (سلطان حسین بایقارا)⁵⁰.

Мухаммад-Йусуф Мунши (محمد یوسف منشی) в своей «Муким-ханской истории» (تاریخ مقیم خانی) (зак. после 1116/1704) отмечал, что ‘Убайд Аллах «в обычаях [соблюдения] правосудия являлся единственным, а в способах войны с неверными чрезвычайно талантливым... при наличии храбрости и геройства его называют вместилищем [всех] превосходств и совершенств, и автором [многих] трактатов религиозного содержания»⁵¹.

Сам-мирза в «Тухфа-йи Сами» («Даре Сама») ⁵² дает ‘Убайд Аллаху весьма не лестную характеристику — «кровожадный, жестокий, бесстрашный». Кроме вражды с Сафавидами он ни о чем не думал, по этой причине разрушил множество городов Хорасана. Много людей погибло от его меча. Несмотря на это, он обладал хорошим вкусом и ясным умом, а также писал стихи»⁵³.

Фахри Харави в «Раузат ас-салатин», как и Сам-мирза, отмечает настойчивое стремление ‘Убайд Аллаха завоевать Хорасан,

⁵⁰ *The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat* (London, 1895), ii, p. 283.

⁵¹ Мухаммад Юсуф Мунши, *op. cit.*, сс. 52—53.

⁵² «Тухфа-йи Сами» (تحفه سامی) — поэтическая антология, написанная сыном сафавидского шаха Исма‘ила (правил 907—930/1502—1524) Сам-мирзой (ум. 974/1566—67) в 968/1560 г. Содержит сведения о более чем шестиста поэтах, живших в самых разных ареалах бытования персоязычной литературы (см.: Гулчин Маани, *Ta’rix-i tazkira-ha-йи фарси*, i, сс. 155—157; Storey, *op. cit.*, pp. 798—800).

⁵³ Сам-мирза Сафави, *op. cit.*, сс. 28—29.

но признает его талант как сочинителя стихов на тюрки и фарси. В связи с последним обстоятельством, Фахри выражает удивление, как мог хан казнить выдающегося поэта той эпохи Бадр ад-Дина Хилали⁵⁴. Автор «Хайр ал-байан» тоже говорит о навязчивом стремлении ‘Убайд Аллаха завоевать Хорасан, но отмечает, что хан был очень образован и обладал прекрасным вкусом⁵⁵.

Искандар Мунши также отмечает страстное желание ‘Убайд Аллаха захватить Хорасан. Перед началом повествования о втором походе ‘Убайд Аллаха на Хорасан в 932/1525—26 г., он приводит такое *руб’а’и* узбекского хана:

باز جانم هوس ملک خراسان دارد تن بیجان شده من هوس جان دارد
روح بخش است شمالش چو دم روح الله مگر او نیز هوای پل مالان دارد

Вновь душа моя стремится в Хорасан,
Мое бездушное тело к душе стремится.

⁵⁴ Фахри Харави, *op. cit.*, с. 22. Хилали был убит ‘Убайд Аллахом в 936/1529—30 г., во время его четвертого похода на Хорасан по подозрению в принадлежности к шиитскому *мазхабу*. По случаю завоевания Герата ‘Убайд Аллах-ханом, Хилали сочиняет *касиду* (Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 29). Однако, по словам Искандара Мунши, это ему не помогло. Его казнили на гератском *чарсуке*. Предлогом стало следующее: ‘Убайд Аллаху донесли, что Хилали написал на него *хаджв*:

تا چند عبید از پی تالان باشی تارا جگر ملک خراسان باشی
غارت کنی و مال یتیمان ببری کافر باشم اگر مسلمان باشی
Доколе, ‘Убайд, ты будешь стремиться к грабежу?
[Доколе] будешь разорителем Хорасана?
Расхищаешь и уносишь имущество обездоленных,
Я — неверный, если ты — мусульманин.

(Искандар-бек Туркман, *op. cit.*, i, сс. 57—58). Сам-мирза отмечает, что среди шиитов Хилали был известен как суннит, а ‘Убайд Аллах убил его по обвинению в шиизме. Говорят, что, когда Хилали вели к месту казни, поэту пробили голову, и кровь стекала ему на лицо. В этот момент Хилали произнес такое *kut’a*:

این قطره خون چیست بروی تو هلالی گویا که دل از قصه بروی تو دویده
Что это за капли крови на лице твоём, Хилали?
Словно сердце от тоски выбежало на лицо твоё.

(Сам-мирза Сафави, *op. cit.*, с. 160).

⁵⁵ Малик Шах-Хусайн Систани, *op. cit.*, л. 412б.

Север его дарит жизнь, подобно Духу Аллаха
 [= Иисусу],
 Разве и он стремится к Пул-и Малан⁵⁶?

Во время своего пятого похода на Хорасан (938—39/1531—32) хан осадил Герат. Тут пришла весть о подходе войск Тах-маспа. Жители города обрадовались. Поскольку ‘Убайд Аллах был «человеком поэтического склада», он отправил Хвадже Амир-беку, *вазиру* Гази-хана Текелю (фактическому правителю Герата) такое *кут‘а*:

ای باد اگر بر اهل خراسان گذر کنی	زنهار عرضه ده بر ایشان پیام ما
و آنکه ز روی لطف بگو آن گروه را	کای گشته کینه خواه شما خاص و عام ما
کلک غرور و جهل شما کرده است ثبت	در رقعه که بوده در آنرقعه نام ما
کای خواجه بعد از این طمع از زندگی ببر	ز آنرو که گشت سکه خانی بنام ما

О, ветер, если будешь пролетать мимо жителей Хорасана,
 Смотри же, сообщи им наше известие.
 И милости ради, ты вот что скажи сему сброду:
 «Наша знать, и простой народ мечтают вам отомстить.
 Перо вашей гордости и невежества сделало запись,
 На листке, на котором начертано было имя мое.
 Эй, Хваджа! После этого позарься-ка на жизнь,
 Ибо уже отчеканена ханская монета на имя мое».

Означенный Хваджа тоже был красноречив, поэтому при-
 слал такой ответ:

ای مدعی مگر نشنیدی که میرسد	شاه ستاره حشمت جم احترام ما
ما بندگان حضرت شاهیم و از ازل	ثبت است بر جریده رحمت دوام ما
باشد جواب دعوی خانی که کرده	بیتی ز حافظ شیرین کلام ما
چندان بود کرشمه و ناز سهی قدان	کاید بجلوه سرو صنوبر خرام ما

Эй притязатель! Разве ты не слышал, что грядет,
 Шах со счастливою звездой, подобный Джаму?
 Мы — рабы священного шаха, от века,
 Записано в книге милости наше терпение.
 На притязанье ханское твое ответом будет,
 Бейт нашего сладкоречивого Хафиза:

⁵⁶ Искандар-бек Туркман, *op. cit.*, i, с. 51. Пул-и Малан — мост, находящийся недалеко от Герата. По преданию, Александр Македонский сначала построил этот мост, а затем основал Герат (А. А. Деххудо, *Лугат-наме* (Техран, 2006) (CD)).

«Сколько стройных красавиц дарило мне ласковый
взор!

Всех затмил кипарис, остальных кипарисов стройней»⁵⁷.

В итоге, дело кончилось бегством узбекского войска⁵⁸.

Два последних *кут'а* интересны тем, что в них обыгрывается *газаль* Хафиза «ساقی به نور باده بر افروز جام ما» («Виночерпий, сияньем вина озари мою чашу скорей!»). 'Убайд Аллах начинает с пятого *бейта* этой *газали*, который он приводит с некоторыми изменениями, сообразно ситуации. Хафиз в этом *бейте* призывает ветер напомнить о нем возлюбленной. Так и хан хочет напомнить о себе жителям Герата. Однако дальше мы слышим угрозы в адрес гератцев и призыв покориться. Хан полностью уверен в своей победе. В ответ Хваджа призывает хана не торопиться, поскольку на помощь им идет их повелитель, преданность которому они сохраняют и за это обретут бессмертие (здесь почти дословно цитируется вторая *мисра'* третьего *бейта газали* Хафиза). Завершает ответное *кут'а* четвертый *бейт газали* Хафиза, который ставит точку в этом споре — все угрозы и обещания 'Убайд Аллаха лишь кокетство, ради которого они не собираются потерять своего любимого повелителя⁵⁹.

Гулчин Маани в своей научно-тематической антологии «Мактаб-и вуку' дар ши'р-и фарси» помещает *бейт* 'Убайд Аллаха, написанный, по его мнению, в стиле реализма:

جانب غیر چرامی نگرى از ره لطف گوشه خاطر اگر بادگرى نیست ترا⁶⁰

Отчего ты милостиво смотришь на другого,
Если с ним тебе покоя нет?

Зайн ад-Дин Васифи (زين الدين واصفى) в своих мемуарах «Бада'и ал-вака'и» («Удивительные события») (зак. 945/1538) много пишет об 'Убайд Аллахе. В отношении литературного вкуса хана

⁵⁷ Последний *бейт* приводится в переводе Г. Плисецкого (Хафиз, *Сто семнадцать газелей*, в пер. Г. Плисецкого, сост., подстрочный пер., пред. и прим. Н. Кондыревой (Москва, 1981), с. 42).

⁵⁸ Искандар-бек Туркман, *op. cit.*, i, с. 60.

⁵⁹ Хафиз, *Диван* (Техран, 1380), сс. 9—10; *idem*, *Сто семнадцать газелей*, с. 42.

⁶⁰ Гулчин Маани, *Мактаб-и вуку' дар ши'р-и фарси* (Техран, 1348), с. 663.

он сообщает, что тот был поклонником творчества знаменитого поэта Катиби (کاتبی)⁶¹ и коллекционировал его *Куллиййаты*. Так, однажды *маулана* На‘им Нишапури (نعیم نیشاپوری) поднес ‘Убайд Аллаху «Куллиййат» Катиби, включающий около 30 тысяч *бейтов*. «Куллиййат» был переписан рукой Султан-Мухаммада Хандана (سلطان محمد خندان), одного из лучших учеников Султан-‘Али Машхади (سمطان علی مشهدی)⁶². Именно в связи с этим «Куллиййатом» Васифи сочинил «пятерицу» *касид*-ответов с *ради*фами названий цветов. Эти *касиды* заслужили высокую оценку ‘Убайд Аллаху и Васифи получил в награду 500 *убайди*, достойную одежду и коня со сбруей. Кроме того, высоко оценив талант Васифи как *хафиза*, ‘Убайд Аллах подарил ему трактат Шатиби (شاطبی)⁶³, переписанный собственной рукой⁶⁴. Крайнюю любовь ‘Убайд Аллаху к Катиби показывает эпизод возвращения хана из Карши в Бухару 18 зу ал-хиджжа 919 / 14 февраля 1514 г. Сразу по возвращении хан поинтересовался у Хваджи Хашими (خواجه هاشمی), не вспомнился ли ему какой-нибудь *лугз* (загадка) Катиби? Хашими припомнил и процитировал около 15 *бейтов* одного из самых известных *лугзов* поэта. Тогда хан сказал:

⁶¹ Шамс ад-Дин Мухаммад б. ‘Абд Аллах Катиби Туршизи (Нишапури) (ум. 839/1436) — происходил из деревушки Турук Вараваш (طرق وراوش), располагавшейся между Нишапуром (نیشاپور) и Туршизом (ترشیز). Был учеником известного поэта и каллиграфа Сими Нишапури (سیمیی نیشاپوری). Переехал в Герат, где стал *надимом* Байсунгур-мирзы (بابسنغر میرزا) (799—837/1397—1433). Позднее уехал в Азербайджан, где служил Искандару б. Кара-Йусуфу Кара-Куйунлу (اسکندر بن قرا) (правил 823—839/1419—1435). Вернулся в Астрабад, где и умер от холеры (см.: *The Tadhkiratu sh-Shu‘ara* (“Memoirs of the Poets”) of Dawlatshah... of Samarqand, ed. by E. G. Browne (London—Leiden, 1901), pp. 381—391; З. Сафа, *Та‘рих-и адабийат-и фарси* (Техран, 1366/1987), iv, сс. 233—244).

⁶² Зайн ад-Дин Васифи, *Бадаи‘ ал-вакаи‘*, тасхих-и А. Болдырев (Техран, 1349/1970), i, сс. 165—166.

⁶³ Популярный стихотворный трактат, посвященный различным способам рецитации Корана, написанный Касимом Шатиби (ум. 590/1194), известным как «*имам* чтецов Корана» (امام القراء). Представляет собой *касиду* из 1173 *бейтов* с названием «Хирз ал-амани ва ваджх ат-тахани» (حز الامانی و وجه التهانى) («Талисман спокойствия и способ приветствий») (см.: Ч. А. Стори, *Персидская литература. Био-библиографический обзор* (Москва, 1972), i, сс. 208—209; Деххудо, *op. cit.*)

⁶⁴ Зайн ад-Дин Васифи, *op. cit.*, i, сс. 166—187.

کاتبی را لغز بسیار است همه مطبوع و مقبول، و لغز نوعی است از شعر که در میزان طبع به غایت موزون است و طباع مستقیمه را به وی میلی از حد بیرون.

«У Катиби много лугзов, и все они красивы и приятны. А лугз такой род поэзии, который на весах вкуса крайне выверен, и [обладатели] истинного вкуса [имеют] к нему безграничную склонность».

Далее ‘Убайд Аллах прочитал лугз собственного сочинения:

چه چیز است ای مه من آنکه دایم چو انگشت نبی شق کرده مه را
سر خود را فرو آورده ز آن رو که تا بوسد دمامد این شفه را

О мой месяц! Что это такое, что постоянно,
Словно палец пророка раскалывает месяц?
Свою главу опустил для того,
Чтобы непрестанно лобзать эти губы⁶⁵?

Кроме того, склонность ‘Убайд Аллаха к лугзам и му‘амма хорошо показывает описанный Васифи один из *маджлис*ов хана, на который автор «Бада’и ал-вака’и» был приглашен ханом как известный знаток этого жанра. На этом *маджлисе* Васифи прочел около 80 му‘амма, 56 из которых ‘Убайд Аллах разгадал сам, не зная заранее ответа⁶⁶.

Сам хан участвовал в состязаниях по написанию лучшего ответа на стихи знаменитых предшественников. Так в 925/1519 г. Хашими Балхи написал удачный ответ на знаменитую *касиду* ‘Абд ар-Рахмана Джамии «Джилла ар-рух» (جلاء الروح) и отправил его ‘Убайд Аллаху. Последний призвал всех бухарских поэтов и повелел написать ответ на *касиду* Хашими. Сам хан сочинил ответ, *матла* ‘ которого приводит Васифи:

معلم کیست خضر و موسی عمران سبق خوانش سبق علم لدنی و لب دریا دبستانش

Кто наставник? Хизр. А Муса ‘Имран учит его урок,
Урок — божественное знание, а берег моря — его начальная школа⁶⁷.

Таким образом, совершенно очевидно, что ‘Убайд Аллах-хан был весьма заметным (если не сказать — выдающимся) правителем, «культурный уровень которого вряд ли уступал уровню образованности тимуридской элиты» и который «уделял

⁶⁵ *Ibid.*, сс. 234—235. Ср. Болдырев, *Зайн ад-Дин Васифи*, сс. 142—143.

⁶⁶ Зайн ад-Дин Васифи, *op. cit.*, i, сс. 238—248.

⁶⁷ *Ibid.*, ii, сс. 179—180. Ср. Болдырев, *Зайн ад-Дин Васифи*, с. 156.

своей библиотеке пристальное внимание. Страстный поклонник рукописной книжности, он постоянно пополнял ее книгами, захваченными узбеками во время многократных походов-набегов на соседний Хорасан, особенно на Машхад и Герат»⁶⁸. И действительно, трудно не согласиться с мнением Х. Хофмана о том, что личность ‘Убайд Аллах-хана заслуживает специального изучения и отдельной монографии⁶⁹.

Сын ‘Убайд Аллаха ‘Абд ал-‘Азиз-хан (عبد العزيز خان) (947—957/1540—1550), был достойным продолжателем культурных начинаний своего просвещенного отца. На мистическом пути его *мурид*ом был *шайх* Джалал, бывший, в свою очередь, *мурид*ом Мауланы Шамс ад-Дина Мухаммада Рухи (شمس الدين محمد روي), внука ‘Абд ар-Рахмана Джамии (817—898/1414—1492). Хасан Нисари характеризует хана как покровителя ученых и поэтов, щедрого и не допускающего поступков противных *адабу* (Нисари некоторое время находился на службе у ‘Абд ал-Азиза)⁷⁰. Нисари отмечает, что ‘Абд ал-‘Азиз славно писал *насхом* и занимался стихосложением, «похищая мяч совершенства с ристалища красноречия»⁷¹. Недюжинные способности хана в поэзии хорошо видны из двух *газелей*-ответов на *газали* Камрана⁷², сына основателя династии Великих Моголов, Бабура. Первая *газаль* написана по-персидски на *газаль* Камрана со следующей *матла*’:

⁶⁸ Акимушкин, *op. cit.*, с. 14.

⁶⁹ Н. F. Hofman, *Turkish Literature. A bio-bibliographical survey* III/1 (Utrecht, 1969), i, p. 40.

⁷⁰ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 74.

⁷¹ *Ibid.*, с. 75.

⁷² Мухаммад Камран-падшах, по словам Хасана Нисари, был справедливым и благочестивым правителем. Во все времена он покровительствовал ученым и поэтам, писал хорошие стихи на фарси и тюрки, составил диван *газелей*. Нисари приводит на страницах своего труда *газали* на фарси и на тюрки. Умер Камран 11 зу ал-хиджжа 964 / 5 декабря 1557 г. и был похоронен в Мекке на кладбище Мугилан. Перед смертью он произнес следующий *бейт*:

جز سر کوی تو یارا نیست ماواى دگر / مردن آن جا به که بودن زنده در جای دگر

Нет иного прибежища, кроме как на Твоей улице, о, Всевышний!

Умереть там — лучше, чем оставаться живым в другом месте.

(Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 117).

ای قد رعناى تو سرو گلستان حسن طاق دو ابروى تست مطلع ديوان حسن
 Ах, изящный стан твой — кипарис в розарии красоты,
 Свод двух бровей твоих — дверцы дивана красоты.

Газаль 'Абд ал-'Азиза:

عارض نيکوى تست شمسه ايوان حسن روى دلارای تست لاله بيستان حسن
 خل و خطت آيتى ست آمده در شان حسن حسن ترا زينت است از بت چين خطو خل
 تا تو بر آورده سر ز گريبان حسن کس نتواند کشيد پای بدامان صبر
 جا چو خضر بر لب چشمه حيوان حسن سبزه تر بر دميد گرد لبث تا کند
 روز سياه است اين يا شب هجران حسن هر که عزيزى بيد خط بلب يار گفت

Твое красивое лицо — тюльпан в бустане красоты,
 И щечки славные твои — шамсе⁷³ айвана красоты.
 Красоте твоей украшение пушок и родинка китайского
 идола,

Твои пушок и родинка — аят, достигший красоты.
 И на подол терпения никто не может наступить,
 С тех пор как показала ты головку свою из рукава кра-
 соты.

Свежая зелень пускает ростки вокруг твоих губ, дабы
 создать,
 Подобно Хизру, место себе у живого источника красоты.
 Всяк, кто увидит 'Азизи пушком на губах возлюблен-
 ной, скажет:
 «Что это — черный день или ночь разлуки с красо-
 той?»⁷⁴»

Итак, мы видим, что в своих стихах 'Абд ал-'Азиз пользовался *тахаллусом* 'Азизи. Кроме того, приведенная выше *газаль* свидетельствует о наличии тесных литературных связей между Шибанидами Мавераннахра и Тимуридами Индии.

Фахри Харави отмечает, что 'Абд ал-'Азиз обладал умеренным вкусом к стихам, и приводит в качестве примера *матла* 'хана:

بازم از عشق گلى آتش بجان افتاده است کار من با دلبر نامهربان افتاده است

Снова от любви к розе в душе огонь,
 Я имею дело с жестокой возлюбленной⁷⁵.

⁷³ *Шамсе* — металлическое изображение солнца, установленное на вершине купола мечети. Кроме того, в искусстве оформления рукописной книги это технический термин для обозначения розетки, экслибриса.

⁷⁴ *Ibid.*, с. 76.

‘Абд ал-Азиз с большим усердием занимался восстановлением и строительством зданий в Бухаре. Так, он построил хануку Хваджи Бузургвара (خواجه بزرگوار), в честь которой Хасан Нисари сочиняет *касиду* и *та’рих* (= 951/1544—45)⁷⁶. Особенным вниманием и покровительством хана пользовалась знаменитая бухарская библиотека, бывшая средоточием придворной культурной жизни и сыгравшая большую роль в формировании бухарско-самаркандской школы художественного письма и становлении мавераннахрской школы миниатюрной живописи⁷⁷.

Сын Кучкунджи-хана, ‘Абд ал-Латиф (عبد اللطيف) (947—959/1540—1551), по словам Нисари, не отличался склонностью к стихотворству и лишь иногда общался с поэтами и *надимами*. Автор «Музакир-и ахбаб» приводит *матла’* на тюрки, приписываемое ‘Абд ал-Латифу. Нисари отмечает хорошие знания хана в области истории и астрономии (последняя была увлечением хана), а также прекрасную память: если хан что-нибудь когда-либо слышал или видел, то это он запоминал навсегда. День его был всегда расписан: каждое дело он совершал в строго определенный час. Нисари особо отмечает справедливость хана и его заботы о благоуукрашении Самарканда, описанием которого автор «Музакир-и ахбаб» и завершает свой рассказ об ‘Абд ал-Латиф-хане⁷⁸.

⁷⁵ Фахри Харави, *op. cit.*, с. 28.

⁷⁶ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 79.

⁷⁷ Нисари пишет, что едва ли можно было в те времена найти во всем мире подобную библиотеку. Главой каллиграфов в ней был Мир ‘Али Хусайни (میر علی حسینی), неподражаемо писавший *насхом*. В 935/1529 г. он был вывезен из Герата в Бухару, где жил до самой смерти в конце 951/1544 г. Мир ‘Али писал стихи, *му’амма*, составил трактат по каллиграфии «Мидад ал-хутут» (مداد الخطوط). Большой популярностью пользовалось его *кит’а*, в которой он жаловался на свое существование в Бухаре. Помимо огромного количества *кит’а*, до нас дошли пятьдесят четыре рукописи, выполненные им. *Китабдаром* этой библиотеки был Султан Мирак Мунши, написавший о себе:

سلطان میرک ز لطف یاری هم منشی و هم کتابداری

Султан Мирак по милости Божией — и *мунши*, и *китабдар*.

(Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 80; см. Акимушкин, *op. cit.*, с. 15).

⁷⁸ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 42—47.

Рустам-Бахадур-хан (رستم بهادر خان), правнук Абу ал-Хайра и младший современник 'Абд ал-Латифа и 'Абд ал-'Азиза, правил Согдом и Балхом. Хасан Нисари был знаком с этим удельным правителем не понаслышке — он служил при его дворе (там же в качестве *шайх ал-ислама* служил и брат Нисари 'Абд ас-Салам⁷⁹). Рустам-Бахадур-хан серьезно увлекался мистикой, которую он постигал под руководством Маулана Зайн-и Салафа (زين سلف) (рекомендованного отцом Нисари) и *шайха* 'Азизана, для которого в Кермине была построена *ханака* (дата постройки следует из *та'риха*, сочиненного Нисари — «حانقاه قطب زمان» = 966/1558—59⁸⁰). Он писал стихи на персидском и тюркском языках. Так он похвалялся своей силой:

منم رستم آن شهریار دلیر نترسم ز نر اژدها و ز شیر

Я — Рустам, тот царь-богатырь,
Не побоюсь ни дракона, ни льва.

В возрасте пятидесяти четырех лет Рустам-Бахадур-хан был ранен в битве при Несефе⁸¹ и, умирая, произнес следующее *кут'а*:

آن کو مرا بفضل تن و عقل و جان بداد زان بیش کاید از من بیچاره بندگی
با آنکه جز گناه نکردم دمی مرا بی نعمتی نماند در ایام زندگی
شاید که لطف باز نگیرد بوقت مرگ هنگام بی کسی و زمان فگندگی

Тот Кто по милости Своей дал мне тело, разум и душу,
[Дал] более того — [вот] уходит рабство от меня.
Хоть кроме греха ничего другого в жизни своей я не со-
творил,
Он не оставил меня без благодеяния в дни моей [зем-
ной] жизни.
Быть может и в миг смерти не отнимет милости Своей
от меня,
Во время одиночества и униженья⁸².

Блестящее *кут'а* — молитва истинно верующего и по-настоящему сильного человека, которая может быть воспринята представителями разных конфессий.

⁷⁹ *Ibid.*, сс. 52—53, 515.

⁸⁰ *Ibid.*, сс. 53—54.

⁸¹ Об обстоятельствах этой битвы вплоть до гибели Рустам-хана см.: Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, i, сс. 164—168.

⁸² Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, сс. 62—63.

Султан Са'ид-хан (سلطان سعید خان), внук Кучкунджи, сын Абу Са'ида, правивший в Самарканде с 975 по 980/1567—68—1572 г.г., которому вот-вот предстояло занять ханский трон, не был чужд поэзии. Хасан Нисари характеризует его как справедливого и милосердного правителя, бывшего в то же время искренним другом своих подданных. Он был муридом *шайха* Хусайна Хваризми (حسین خوارزمی)⁸³.

Однажды при проведении канала в деревушке Шатри (شاطری) хан помогал своему учителю, с легкостью вырубая огромные глыбы камней. Тогда *шайх* сказал: «Это — наш Кухкан». Потому-то хан избрал себе *тахаллус* Кухкан. Автор *тазкира* красиво обыгрывает этот момент:

بنابراین حضرت خان مذکور کوهکن را تخلص اشعار شیرین خود ساخته اند.

«Посему Его Святейшество упомянутый хан сделал тахаллусом для своих сладких (Ширин) стихов [прозвище] “Кухкан” (прозвище Фархада)»⁸⁴.

Нисари приводит два *бейта* из *газали* хана:

از کوی تو هر صبح نسیمی نمی آید شادم که از آن نکهت گل پیرهن آید
با خاک سر کوی تو نسبت نتوان کرد هر نافه مشکمی که ز دشت ختن آید

Каждое утро с улицы твоей не доносится ни ветерка,
Радуюсь я, что оттуда веет розовым ароматом одеяния.
Нельзя сравнить с пылью на твоей улице,
Никакой мускусный аромат, идущий из степи Хотана⁸⁵.

Мутриби в «Та'рих-и Джахангири» рассказывает о Са'ид-хане. Так, он пишет, что одной из особенностей хана было то, что «هر دستار خود علاقه می گذاشت که تا بین الکتفین او میرسید» («каждый свой *дастар* он повязывал так, что он спускался между лопаток»). Такого не наблюдалось ни за одним из султанов. Мутриби отмечает, что хан, обладая дервишеским складом, был последова-

⁸³ Нисари отмечает, что Хварезми иногда выражал свои экстаические состояния стихами, подкрепляя свои слова *матла' шайха*:

می روم سوی عدم عشق تو همراه من است زار جان می دهم نفسم آن منست

Направляюсь ли в сторону небытия — спутником мне любовь к Тебе,

Издаю ли крик души, дыхание мое — вздох мой.

(*ibid.*, с. 83).

⁸⁴ *Ibid.*, с. 84.

⁸⁵ *Ibid.*; ср. Фахри Харави, *op. cit.*, с. 28.

телем *шайха* Шараф ад-Дина Хусайна (شرف الدين حسين), сына *шайха* Хусайна Хваризми. Кроме того, Са'ид был очень сведущ в музыке. Одну *газаль* он переложил в *саут*⁸⁶ в ладу '*ирак* в ритмическом круге *шахи*. Это произведение было весьма популярно и часто исполнялось на *маджлисах*. Особенностью *саута* является то, что на слове «Хусайни» лад '*ирак* переходит в лад *хусайни*, а потом вновь возвращается в лад '*ирак*, в котором *саут* и заканчивается. Кроме того, автор «Та'рих-и Джахангири» отмечает, что хан прекрасно разбирался и в поэтике.

Султан Са'ид-хан частенько навещался в *ханаку* к своему *шайху*. Последний как-то сказал ему: «Приходите в нашу *ханаку* почаще, чтобы, не дай Бог, царство не пришло в упадок». Хан в оправдание прочел такую *макта*⁸⁷:

شيرين دهنه خاطر خود رنجه مفرما هر لحظه به كوى تو اگر كوهكن آيد

О, обладающий устами Ширин, не отягощай своего разума,

В тот миг, когда по улице твоей идет Кухкен.

Но все равно приходил часто. По случаю одного из таких посещений хан написал *руба'и*:

گر دیده برویت نگشایم چکنم بر خاک درت بگرد نسایم چکنم
گویى که میا بگوی من با دل زار من با دل زار پس نیایم چکنم

Если я не смогу раскрыть глаза на твое лицо, что мне делать?

Если на земле у двери твоей я не изотрусь в пыль, что мне делать?

Ты говоришь: «Не приходи на мою улицу со стенающим сердцем!»

А если я не приду со стенающим сердцем, что мне делать?

Мутриби рассказывает о том, что в 977/1569 г. между Са'ид-ханом и 'Абд Аллахом произошла распря⁸⁸. Наш автор

⁸⁶ *Саут* (صوت) — род музыкального сочинения в классической восточной музыке, в основу которого положено стихотворение.

⁸⁷ Относится к *газали*, два *бейта* из которой были процитированы выше, см.: *ibid.*

⁸⁸ Столкновения двух ханов начались задолго до этого события. Так, в 958/1551 г. Са'ид-хан участвовал в осаде 'Абд Аллаха в крепости Кермине. В 959/1552 г. после смерти 'Абд ал-Латиф-хана, Са'ид стал

кратко описывает сражение в местечке Илан и сообщает, что в пятницу 15 мухаррама 977 / четверг 16 июня 1569 г. ‘Абд Аллах вступил в Самарканд. Са‘ид бежал. Город был разграблен. Однако потом Са‘ид еще на три года вернулся в Самарканд, поскольку на тот момент у ‘Абд Аллаха не было достаточно сил, чтобы бороться со столь сильным соперником⁸⁹. Умер хан в начале мухаррама 980 / мае—июне 1572 г., в четверг. Могила его находится в *мадраса* его отца Абу Са‘ид-хана, которое располагается рядом с большой пятничной мечетью Самарканда⁹⁰.

Абдал-султан (ابدال سلطان), сын ‘Абд ал-Латиф-хана самаркандского, был известен по своему *тахаллусу*, звали же его ‘Абд ал-Малик (عبد الملك) (он был братом Гадай-хана и участвовал в битве за Самарканд против Баба-хана⁹¹). Он покровительствовал ученым и обладал способностями к сочинению стихов. Мутриби Самарканди рассказывает, как однажды он шел по улице и ему встретился Абдал-султан. Последний увидел в руках у поэта книгу и поинтересовался, что это такое. Мутриби ответил, что это сборник стихов. Тогда Абдал-султан взял ее в руки и раскрыл. Книга открылась на *руба‘и* Мирзы Машхади⁹²:

لولی بجه بعشوه قربانم کرد با غمزه و ناز غارت جانم کرد
بر دایره از پرده دل پوست کشید سنجش ز سواد چشم گریانم کرد

Цыганочка кокетством сделала меня жертвой,
Жеманством и подмигиванием разорила мою душу.
Натянула на бубен кожу сердечной завесы [перикарда],
Ее бубен от черноты глаза заставил меня плакать.

Немного поразмыслив, Абдал сочинил ответ:

управлять Самаркандом. В 961/1553—54 г. Са‘ид-хан обратился к ‘Абд Аллаху за помощью против Науруз-Ахмад-хана, завоевавшего Самарканд. Но тогда ‘Абд Аллах отступил. В 962/1555 г. Са‘ид участвовал в битве с ‘Абд Аллахом при Фарабе вместе с сыном Науруз-Ахмад-хана, бежал, был арестован Барак-ханом, прибывшим в Самарканд, и отправлен к Рашид-султану в Карангутаг, в Кашгарском *вилайате*. В 964/1557 г. Са‘ид снова стал править Самаркандом (Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, i, сс. 136, 156, 169—180, 223).

⁸⁹ Ср. Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, сс. 63—82.

⁹⁰ Мутриби Самарканди, *Та’рих-и Джахангири*, л. 45аб.

⁹¹ См.: Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, i, сс. 199, 203.

⁹² По всей видимости, имеется ввиду *малик аш-шар‘а* Великого Могола Акбара Газали Машхади (غزالی مشهدی) (ум. 980/1573).

آینه رخسار تو حیرانم کرد آشفستگی زلف پریشانم کرد
در عشق تو داشتم سروسامانی هجر تو عجب بی سروسامانم کرد

Зерцало твоего лика повергло меня в изумление,
Рассыпавшиеся кудри взволновали меня.
В любви к тебе я был спокоен,
Но, удивительно, в разлуке с тобой я беспокоен.

Кроме того, Мутриби приводит удачную, по его мнению, *матла* Абдала о доме:

این خانه از لطافت خوبان بهشت ماست خشتی ز آشیانه او سرنوشت ماست

Этот дом по милости красавицы — наш рай,
Кирпич из его очага — наша судьба⁹³.

Мутриби сообщает, что Абдал был убит по приказу 'Абд Аллаха в Хисаре в 988/1580—81 г. Прах его был перенесен в Самарканд и захоронен в *мадраса* его деда рядом с отцом⁹⁴. Дядя Мутриби рассказывал, что Абдал отдавал предпочтение «искусственным» стихам и выделял поэтов, пишущих в этом стиле, вроде Дийри Ташкенти (*дирӣ ташкандӣ*)⁹⁵. Из поэтов Мавераннахра («из наших»), по словам автора «Тазкират аш-шу'ара»), пишущих «искусственные» стихи, Абдал предпочитал Хатими (*хатмӣ*), которого Мутриби называет одним из лучших поэтов-одописцев Султана Махмуд-мирзы Чагати (*سلطان محمود میرزا چغتای*). На литературных *маджлисах* у Абдала читались по-преимуществу стихи Хатими⁹⁶.

⁹³ Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шу'ара*. Фотокопия рукописи № 2253 Института Востоковедения Республики Узбекистан, л. 11аб.

⁹⁴ *Ibid.*, л. 11б; *idem*, *Та'рих-и Джахангири*, л. 58аб.

⁹⁵ Дийри Ташкенти был *маддахом* Абдал-султана, в честь которого сочинил много пышных од. Был мастером сочинения искусственных стихов. Мутриби сообщает, что Дийри сочинил *мутаййар* (стихотворение в виде птицы) в честь Абдала, и приводит *бейт*, получающийся путем *мувашишаха* (акростиха), из восьми 'акдов («переплетений») этого стихотворения, а также его *матла* и *макта*'. Поэт умер до 1013/1604—05 г. Похоронен в Ташкентском *вилайате* (Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шу'ара*, л. 83аб).

⁹⁶ *Ibid.*, лл. 11б—13б. Мутриби приводит в качестве примера «искусственную» *газаль* Хатими, из которой извлекаются *руба'и*, *бейт* и *кит'а*. Эти стихи были написаны в прославление Ахмада Хаджи (*احمد حاجی*). *Газаль* включает в себя семь *илтизамов*, т. е. обязательных условий, которые должны быть соблюдены. Мутриби пытается объяснить при-

Дуст-Мухаммад-султан (دوست محمد سلطان), сын Науруз-Ахмад-хана, правивший областью Кермине⁹⁷, и **‘Аваз-Гази-султан** (عوض غازی سلطان), оба были большими покровителями ученых и поэтов, однако первый сочинял стихи лишь иногда, ради забавы, а второй писал хорошие стихи, пользовавшиеся любовью, и «жемчужины его словес у менял мира смыслов имели полную цену»⁹⁸. Автор «Музакир-и ахбаб» приводит в качестве образца по одному *бейту* из стихов этих царственных мужей.

‘Абд Аллаха II (род. 940/1533—34)⁹⁹ автор «Тазкират аш-шу‘ара» восхваляет за справедливость, попечение о подданных, неустанное стремление к расширению пределов государства, старания в деле восстановления мечетей и мест поклонения. Весь мир в дни его правления стал подобен райскому саду Ирему. Говорили, что со времен Чингиз-хана ни один из узбекских правителей не обладал таким величием, как ‘Абд Аллах. «Лирическая» часть завершается рассуждением о божественном воздаянии притеснителям¹⁰⁰. Далее Мутриби рассказывает о своей

чину написания подобных *газелей*. Он пишет, что однажды, в 888/1483—84 г., один из знатных людей Газнийского *вилаята* написал подобную *газель* (с тремя *илтизамами*) и отправил ее в Герат. Из Герата она была отправлена в Самарканд. Там Мутриби, присутствовавший на *маджлисе* у хана, дал некоторые пояснения относительно этой *газели* (*ibid.*, лл. 116—136). Во-первых, к сожалению, никакого объяснения из приведенного выше рассказа почерпнуть мы не можем. Во-вторых, дата события, очевидно, ошибочна. Дело в том, что в это время Мутриби еще не могло быть на свете. Скорее всего, следует принять дату 988/1580—81 г. (вероятно, переписчик написал цифру «800» автоматически, так как сначала ему пришлось написать цифры «8» и «80»).

⁹⁷ После завоевания всей области Мийанкаль, Науруз-Ахмад-хан пожаловал Кермине Дуст-Мухаммад-хану, а крепость Дабусия — Абдал-султану б. ‘Абд ал-Латиф-хану (Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, i, с. 164). Дуст-Мухаммад был участником коалиции, участвовавшей в завоевании Шахрисабза (после бегства Абу ал-Хайра) в раджбе 975 / январе 1568 г. (*ibid.*, ii, с. 37).

⁹⁸ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 88.

⁹⁹ Об Искандар-султানে, отце ‘Абд Аллаха, в *Та’рих-и Джахангири* говорится, что стихов он не писал. Мутриби Самарканди видел его в Бухаре в 990/1582 г. Искандару было за девяносто и он каждый день молился в *мадраса* (Мутриби Самарканди, *Та’рих-и Джахангири*, лл. 82а—83б).

¹⁰⁰ *Idem*, *Тазкират аш-шу‘ара*, лл. 5б—7а.

аудиенции у ‘Абд Аллаха-хана¹⁰¹. Он характеризует ‘Абд Аллаха как тонкого ценителя поэзии, покровителя поэтов и ученых. Хан прекрасно понимал значение поэзии как средства пропаганды и увековечения своих великих подвигов, поэтому и выделял поэтов своим покровительством. И они платили ему благодарностью: по словам Мутриби, в честь хана было написано множество блестящих од, красивых стихов и других замечательных произведений. Иногда ради развлечения ‘Абд Аллах писал стихи — на фарси и на тюрки. Однажды он сочинил *газаль* и отправил ее в Самарканд Джаванмарду ‘Али-хану, потребовав, чтобы на нее был написан ответ:

که مشتاق سمرقندم بدو طاق نمایانم	دلایر کن امید از قرشی و بگنرز کلسانش
پری رویی سیه چشمی که گردد عقل	ببازار جشن بگنرز که تا بینی ز هر سوی
حیرانم	
که جان راتزه میدارد هوای باغ میدانش	برو بر تخت خوش بنشین سلیمان وار
	عشرت کن
دهد یاد از حريم کعبه و از باغ رضوانش	جواز کاغذ و پای رصد فصل بهار ای دل
رود سوی مزار شاه و گردد از غلامانش	همیشه آرزوی خان همین باشد که در عالم

О, сердце! Надежду вырви из Карши и пронеси через
Касан,

Я жажду Самарканда, показующего два его свода!
Пройди по праздничному базару, и ты увидишь повсюду,
Периликих, чернооких, так что разум впадет в изумление!
Приди, воссядь на трон радости и насладись подобно
Сулайману,

Ибо от воздуха его сада Майдан душа все время молода.
О сердце! Письменное разрешение и наступление весны,
Напоминают о священной Ка‘бе и ее райском саде.
Хан все мечтает о том, чтобы в мире сем,
Отправиться к мазару шаха и стать одним из его гуламов¹⁰².

Джаванмард прислал такой ответ:

طلب کلری سمرقندی نمی ترسی ز شیرانم	مبارک باد بر تو قرشی و کسبی و کلسانش
که خون می جوشد از شمشیر خونریز رفیلم	ز بازار جشن و خوبان او افسانه کمتر گو
که درد سر ترا بخشد هوای باغ میدانش	جواز کاغذ و فصل بهارش را چه می خواهی
که خوش بلشد روم روزی و گردم از غلامانش	مرا در دل هوس بلشد که طواف خواجه نقلش

¹⁰¹ Подробнее см.: Норик, *op. cit.*, с. 199.

¹⁰² Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шай‘ара*, л. 9а; idem, *Ta‘rux-i-Dжахангири*, лл. 576—58а.

На счастье тебе Карши, Касаби и его Касан!
Ты не боишься требовать Самарканда у его львов?
Поменьше рассказывай сказок о его базаре и красавицах,
Ибо кровь кипит от кровопролитного меча его соперников!
Зачем тебе письменное разрешение и его весна?
Ведь воздух его сада Майдан принесет тебе [лишь] бес-
покойство!
Есть в моем сердце желание совершить таваф вокруг
Хваджи Наккаша,
Будет хорошо, если однажды я пойду и стану одним из
его гуламов¹⁰³.

Вероятно, эти *газали* являются предложением 'Абд Аллаха присоединиться к нему в походе на Самарканд и осторожным отказом Джаванмарда и относятся к периоду, когда Баба-султан самовольно воссел в Самарканде¹⁰⁴.

'Абд ал-Му'мин-хану (عبد المؤمن خان) (род. 16 раджаба 975 / 16 января 1568), единственному сыну 'Абд Аллаха, Мутриби Самарканди дает нелестную характеристику: он отличался тонким нравом, но при этом был крайне жестоким человеком и серьезно наказывал людей за малые провинности. Тем не менее, по словам автора «Тазкират аш-шу'ара», он никогда не отклонялся от пути *шари'ата*, покровительствовал ученым и поэтам. В дни его правления в Балхе никто не знал печали¹⁰⁵. Но вот он стал прорываться к верховной власти. Сначала он вознамерился убить своего отца, но тот умер прежде, чем сын сумел достичь своей цели. Затем он убил всех своих родственни-

¹⁰³ *Ibid.*, л. 58а.

¹⁰⁴ См. прим. 108.

¹⁰⁵ Мухаммад Йусуф Мунши пишет: «Области Балха и Бадахшана обрели спокойствие под властью Абдулму'мин-хана. Последний в течение двадцати шести лет был в Балхе на правах почти самостоятельного наместника» (Мухаммад Юсуф Мунши, *op. cit.*, с. 62). Отец всегда ставил его в авангард. Так, он первым захватил область Мешхеда в Хорасане, после чего выбросил из могилы кости шаха Тахмаспа, сжег их и пепел развеял по ветру (*ibid.*) «Проявляя крайнюю энергию в завершении всех дел, он в течение шести месяцев восстановил до самого основания разрушенную крепость Балха и притом таким образом, что если, [например], рабочий ленился, то его по ханскому приказу вместо глины и кирпича закладывали в стену. И теперь еще видны там [в стенах] следы человеческих скелетов» (*ibid.*, с. 68).

ков-султанов, а потом расправился с восставшими против него *амирами*. Однажды на пути в Самарканд он был убит *амиром* ‘Абд ал-Васи’ Биём башлыком¹⁰⁶. Мутриби отмечает хороший поэтический вкус ‘Абд ал-Му’мина и говорит, что временами хан сам сочинял стихи. Далее автор «Тазкират аш-шу‘ара» приводит *матла* ‘ и *руба’и* хана:

نصیب تیغ دو سر باد پاره پاره دلم اگر ز فکر میانگ کند کناره دلم

Пусть мое сердце будет разрублено на куски обоюдо-
острым мечом,

Если сердце мое отстранится от мысли о тебе.

از گفتن شعر دل صفایی یابد شاعر بجهان نشو و نمایی یابد
اوصاف بتان گوی اگر گویی شعر تا آینه دلت جلایی یابد

От слагания стихов сердце обретает чистоту,

Поэт в этом мире обретает процветание.

Если пишешь стихи, напиши об идолах,

Чтобы сердце твое обрело блеск¹⁰⁷.

Последний представитель самостоятельной ветви династии Шибанидов в Самарканде, **Джаванмард ‘Али-хан** (جوانمرد علی خان), правивший в 980—986/1572—73—1578—79 гг.¹⁰⁸, был известен своей смелостью и мудростью. Он широко покровительствовал ученым, не забывая и о деятелях искусства. Превосходно владел

¹⁰⁶ Мунши сообщает, что по смерти ‘Абд Аллаха, ‘Абд ал-Му’мин был воцарен в Бухаре против воли большинства. Поэтому против него возник заговор (узнали, что он собирается перебить всех недовольных) и Мухаммад-кули убил его из лука, а потом хану отрубили голову (*ibid.*, сс. 69—70).

¹⁰⁷ Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шу‘ара*, лл. 10а—11а; *idem*, *Та’рих-и Джахангири*, лл. 89а—91а.

¹⁰⁸ После смерти Науруз-Ахмад-хана (963/1556) его старший сын Баба-султан самовольно воссел на трон в Самарканде и сделал своим помощником Гадай-хана б. ‘Абд ал-Латиф-хана. Гадай же постоянно подстрекал Джаванмард-‘Али-хана, правившего в то время в Ахси и Андижане, пойти походом на Самарканд. В конце концов, Гадай уговорил Джаванмарда собрать войско. Но Баба-султан отстранил Гадаю от власти. Тогда Гадай и Джаванмард-‘Али-хан обратились за помощью к ‘Абд Аллаху и в джумада II 964 / апреле 1557 г. последний отправился к ним на помощь и одержал крупную победу (Хафиз-и Таньш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, i, сс. 169—180).

искусством составления *му'амма* и *та'рихов*. Хасан Нисари в «Музакир-и ахбаб» приводит его удачный *та'рих*:

بود صد بار از گردون زیاده	اساس خانه مخدوم عالم
درون او ز نقش غیر ساده	فتاده چون دل ارباب معنی
که رشک جنت الماوی فتاده	تعالی الله زهی ماوای دلکش
مقام نیک با مخدوم زاده	خرد تاریخ سالتش را چنین گفت

Основание дома Властителя мира,
 Выше небес во сто крат.
 Подобно сердцам людей интеллекта,
 Внутреннее убранство его было украшено замыслова-
 тыми узорами.
 Аллах Всевышний! Браво, прекрасному крову,
 Что стал завистью райской обители.
 Разум так выразил дату его [основания]:
 «Прекрасное место с сыном Владыки» (= 971/1563—
 64 г.)¹⁰⁹.

А вот *му'амма* Джаванмарда с разгадкой «Мушфики» (مشفقى):

در مجلس اغیار مه من ساقی است	امروز که جانم بلب از مشتاقی است
گفتم مشتاب نقد کین تا باقی است	دل خواست بکینه سوی او به شناید

Сегодня, когда душа моя изнемогает от страстного же-
 лания свидания,
 Красавица моя — кравчий на маджлисе у чужаков.
 Сердце хотело поспешить к ней и отомстить,
 [Но] я сказал: «Не спеши! Ибо наличные мести веч-
 ны»¹¹⁰.

Автор «Музакир-и ахбаб» разъясняет, что в слове «مشتاب» нужно слог «تا» заменить буквой, имеющей цифровое значение, получаемое из слова «کین» и прибавить к нему слог «فی» из слова «باقی» (*baqi* = «остаток», *ba ki* = «с ки»), что в результате дает слово *мушфики* («доброта», «сострадание», «нежность»).

Относительно Джаванмарда 'Али-хана Мутриби Самарканди пишет, что хоть тот и был пьяницей, но не забывал о подданных. В дни его правления в Самарканде не было зла и насилия. Нередко хан сам возглавлял *намаз*. Однажды он заснул во время *намаза* и проснулся уже тогда, когда все закончилось. Иногда

¹⁰⁹ Хваджа Баха ад-Дин Хасан Нисари Бухари, *op. cit.*, с. 86.

¹¹⁰ *Ibid.*, сс. 86—87.

Джаванмард писал стихи. У них с ‘Абд Аллахом много стихов в стиле «вопрос—ответ» (см. выше). В конце концов, из-за бунта своего сына Абу ал-Хайра Джаванмард был заточен в крепости Наука, а в ша‘банае 986 / октябре 1578 г. был убит по приказу ‘Абд Аллаха Ишим-бием джалаиром¹¹¹.

Абу ал-Хайр султан б. Джаванмард ‘Али хан (ابو الخير سلطان بن جوانمرد علی خان) обладал веселым и беспокойным нравом. Он сеял смуту, убивал людей, был смел и искусен в сражении, и во всем этом он не знал меры¹¹². Большую часть времени он проводил в обществе периликих самаркандских красавиц и красавцев, окруженный музыкантами и танцорами. Увлекался нардами. Вступив на путь вражды с отцом и братьями, Абу ал-Хайр заручился поддержкой ‘Абд Аллаха, в честь которого сочинил *газаль*, три *бейта* из которой приводит Мутриби Самарканди:

باز در سر هوس تیغ و سنان است مرا	باز شاهنشاهی هر دو جهان است مرا
دل گرفت از پدر و هم ز جوانمردی او	آب رو در قدم حضرت خان است مرا
خان خانان و شه عالمیان عبد الله	انکه در دولتش آسایش جانست مرا

И вновь у меня в голове — влечение к мечу и копью,
И вновь есть у меня шахиншах обоих миров.
Отрекся я от отца и его благородства¹¹³,
Моя честь следует за Его светлостью ханом.
Хан ханов и шах смертных, ‘Абд Аллах,
Тот, в чьем государстве душа моя обретает покой.

Мутриби говорит, что эта вражда привела самого Абу ал-Хайра и всю его семью к гибели, отмечая, что сведения об этом можно почерпнуть в «Зафар-наме» Хафиза Муками. В «Та’рих-и Джахангири» Мутриби пишет, что в 975/1567—68 г. Абу ал-Хайр влюбился в дочь Хусрав-султана б. Джанибек-хана, правителя Шахрисабза. Получив от нее отказ, затеял войну, убил Хусрава и взял ее силой. ‘Абд Аллах пошел на Шахрисабз, чтобы отомстить

¹¹¹ Мутриби Самарканди, *Та’рих-и Джахангири*, лл. 556—58а; Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, сс. 209, 228.

¹¹² Хафиз-и Таныш называет его «источником мятежа» (*ibid.*, с. 33). См. также перечисление всех его «прегрешений» ‘Абд Аллахом перед отдачей приказа о его убийении (*ibid.*, сс. 226—228).

¹¹³ Здесь обыгрывается имя его отца. «Джаванмарди» — «благородство; отвага».

за Хусрава, но Абу ал-Хайр бежал в Самарканд¹¹⁴. Тем не менее, по мнению автора «Тазкират аш-шу'ара», Абу ал-Хайр был талантливым, смелливым человеком, имевшим склонность к сочинению стихов. Он писал с *тахаллу*сом 'Ишки (عشقی). Еще немного, и он мог бы составить поэтический *диван*. Однако его разум все время приносил ему одни лишь беды. Мутриби подкрепляет свой рассказ о таланте Абу ал-Хайра образчиками его стихов:

ز دوری گل روی تو بیقرار نشسته	منم ز تیغ فراق تو دلفگار نشسته
فگار و غمزده هر گوشه صد هزار نشسته	بطرف گلشن کویت بیاد آن گلرویت
سرشک بلبل آشفته روزگار نشسته	نه شبنم است بر خسار گل چنین که بینی
فغان کنان بدرخت از جفای خار نشسته	فغان بلبل آشفته نیست از ستم گل
دلفگار غمزده با چشم خونسار نشسته	بیاد آن گل رو مستمند عشقی ببیل

Снова из-за меча разлуки с тобой я с болью в сердце
сiju,

Вдали от розы лика твоего я в беспокойстве сiju.

На пути к цветнику твоей улицы в воспоминании о тво-
ем лице, подобном розе,

В тоске и печали по сто тысяч раз в каждом углу я сiju.

То, что ты видишь, не роса на лице розы,

Это навернулась слеза соловья, опечаленного судьбой.

Но не от притеснения розы стенает опечаленный соловей,

¹¹⁴ Мутриби Самарканди, *Та'рих-и Джахангири*, л. 60аб. Хафиз-и Таныш не упоминает об этой любовной истории. Он пишет, что Абу ал-Хайр напал на Шахрисабз в то время, когда Хусрав был на охоте. Узнав о разграблении своего города, Хусрав-хан немедленно вернулся и окружил город. Затем Хусрав отправил письмо к 'Абд Аллаху с просьбой о помощи и тот откликнулся. В джумада II 975 / 3—31 декабря 1567 г. началась осада города, продолжавшаяся целый месяц и окончившаяся безрезультатно. Тут 'Абд Аллах был вынужден оставить осаду Шахрисабза и вернуться в Бухару для защиты города от надвигающихся войск мятежников. Хусрав-хан продолжал осаду и, в конце концов, отвоевал свой город. Абу ал-Хайр бежал. Тогда правители Самарканда, Ташкента и Хисара в раджабе 975 / 1—30 января 1568 г. объединенным войском окружили Шахрисабз. Хусрав снова обратился за помощью к 'Абд Аллаху. Последний, собрав коалицию из правителей Балха, Шибиргана, Термеза и Мийанкаля, в ша'бане 975 / 31 января—28 февраля 1568 г. выступил на помощь. Началось сражение. Но тут обнаружилось предательство части войска Хусрав-хана. Последний вместе с преданными людьми вступил в бой с предателями, был захвачен в плен (его конь увяз в глине в местности Ду-аба), приведен к Баба-хану и убит. 'Абд Аллах же довел сражение до победы (Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, сс. 32—56).

Стенающий сел на дерево из-за мучения шипов.
В воспоминании о розоволикой, огорченный 'Ишки бес-
сердечный,

Сидит в тоске и печали с глазами, полными кровью.

تا خرامد ساقی گلرخ سوی بزم وصال لاله خونین کفن گردیده پای انداز آل
نیست ماه نو که شد آغشته در عین شفق ناخن شیر است گلگون گشته از خون غزال

С тех пор, как розоволикий виночерпий величаво всту-
пил на пир свидания,

Кровавый тюльпан савана стал золотистым ковриком,
брошенным под ноги государя,

Это не новый месяц, окунувшийся в источник зари,

Это — коготь льва, ставший розовым от крови газели.

باز آمد عید و نوروز بهمان افروز هم ای خوش آن فصلی که عیدی آید و نوروز هم

Снова пришел праздник и Ноуруз в том же сиянии,

Сколь прекрасно время, когда приходит праздник
и с ним ноуруз!

کو لایق داغ نامیدی جگری کو قابل گریه جنون چشم تری
تیغ و سر و جان و تن همه هست اما شایسته تیغ مدعا نیست سری

Кто достоин клейма безнадежности на печени?

Кто подвержен безумным рыданиям мокрых глаз?

Меч, голова, душа и тело — есть все, однако,

Заслуживающий меча не претендует на голову¹¹⁵.

В конце концов, по приказу 'Абд Аллаха Абу ал-Хайр был казнен 9 ша'бана 986 / 12 октября 1578 г. *амиром* 'Ибад Аллах-султана Дустим-бием¹¹⁶. Перед смертью Абу ал-Хайр произнес такое *руба'и*:

در شیشه عشرتم فلک سنگ افکند در گوشه محنتم بصد ریگ افکند
مانند نگاه نامیدی افسوس دور از یادم هزار فرسنگ افکند

Небеса бросили камень в стекло моих удовольствий,

В уголок моих тягот бросили сотню булыжников.

Словно взгляд, безнадежность печали,

Отбросили от меня на тысячу фарсангов¹¹⁷.

¹¹⁵ Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шу'ара*, лл. 14а—15а; idem, *Ta'rix-i Dжахангири*, лл. 626—63а.

¹¹⁶ Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, с. 228.

¹¹⁷ Мутриби Самарканди, *Ta'rix-i Dжахангири*, л. 63аб.

Музаффар-султан б. Джаванмард ‘Али-хан (مظفر سلطان), (بن جوانمرد علی خان), брат Абу ал-Хайр-султана, был прекрасным собеседником, сметливым и одаренным человеком, постоянно стремившимся к приобретению учености. Мутриби Самарканди приводит *матла* ‘ и *руба* ‘и Музаффара:

تا بقتلم حنجر خونریز آن دلبر کشید جانم از درد جدایی آه از دل بر کشید

Когда эта красавица протянула кровавый меч, чтобы
убить меня,

Душа моя испустила вздох из сердца от боли разлуки.

پیمانه می حریف دیرین منست همصحبیت و همنشین آیین منست
روزی که اگر می نخورم می میرم گویا می تلخ جان شیرین منست

Чаша вина — мой друг запоздалый,
Собеседник мой, мой сотрапезник бывалый,
В день, когда я не выпью вина, я умру,
Будто горечь вина душой моей сладкою стала¹¹⁸!

Музаффар был заключен в крепость Наука вместе со своим отцом и убит вместе с ним в ша‘бане 986 / октябре 1578 г.¹¹⁹. Похоронен Музаффар на кладбище Абу Са‘ид-хана¹²⁰.

Бахадур-султан б. Султан Са‘ид-хан (بهادر سلطان بن سلطان سعید خان) был молод и чрезвычайно красив, однако рано погиб в сражении между ‘Абд Аллахом и султанами Самарканда. Его похоронили в *мадраса* его деда, Абу Са‘ид-хана, рядом с отцом. Мутриби Самарканди ходил в школу вместе с Бахадуром¹²¹. Он отмечает, что в десятилетнем возрасте султан выучил наизусть Коран. Мутриби сообщает, что в школе Бахадур сочинял экспромты, словно играя с *бейтами*. В конце концов, стихи Бахадура стали весьма хороши. Автор «Тазкират аш-шу‘ара» приводит *матла* ‘ Бахадур-султана, которое тот прочитал ему, когда Мутриби еще не был знаком с искусством поэзии:

بی تو نتواند کسی دیدن رخ میخانه را تا تو رفتی دشمنی شد باده و پیمانه را

Без тебя никто не увидит лика питейного дома,
С тех пор, как ты ушла, стали враждовать вино и чаша.

¹¹⁸ Idem, *Тазкират аш-шу‘ара*, л. 18а.

¹¹⁹ Хафиз-и Таньш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, с. 228.

¹²⁰ Мутриби Самарканди, *Та‘рих-и Джухангири*, лл. 626—636.

¹²¹ *Ibid.*, л. 64аб.

На могильном камне Бахадура была выбита следующая эпитафия, сочиненная ‘Абд ар-Рахманом Мушфики:

سلطان جهان شاه بهادر سلطان
بر اوج فلک بگشت ماه تابان
چون بود خورشید مقابل شب و روز
از رشک فلک بگشت و کردش پنهان

Султан этого мира, шах Бахадур-султан,
Стал сияющим месяцем на своде небесном.
Коль скоро был он равен солнцу и ночью, и днем,
Небеса от зависти его убили и скрыли¹²².

‘Абд ал-Кудус-султан б. Искандар-хан (عبد القدوس سلطان بن اسكندر خان), брат ‘Абд Аллаха II, участвовавший в большинстве его важных сражений, был больше известен как **Дустум-султан** (دوستوم سلطان). Мутриби Самарканди со слов Хасана Нисари сообщает, что Дустум был очень благочестив и, несмотря на высокий ранг, склонялся к дервишескому образу жизни¹²³. Своим девизом он избрал справедливость и правосудие, заботился о подданных и простых людях, владения его процветали. Мутриби Самарканди говорит, что Хасан Нисари написал много блестящих *касид* в честь Дустума и приводит *матла* ‘одной из них. В эпоху правления ‘Абд Аллаха II Дустум управлял *вилай-атом* Кермине, затем Ташкентом, где его прозвали Ануширваном. После смерти ‘Абд Аллаха он был убит сыном последнего ‘Абд ал-Му’мин-ханом¹²⁴. Иногда Дустум-султан писал стихи

¹²² Idem, *Тазкират аш-шу‘ара*, лл. 17а—18а; idem, *Та’рих-и Джахангири*, лл. 64б—65а.

¹²³ Это подтверждает и Хафиз-и Таныш, постоянно употребляя по отношению к нему эпитет «подобный дервишу» (см. напр. Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари, *op. cit.*, ii, с. 53).

¹²⁴ В *Куллиййате* известного придворного поэта хана ‘Абд Аллаха II ‘Абд ар-Рахмана Мушфики помещена *касида*-элегия на смерть Дустум-султана со следующей *матла* ‘:

فلک گردیده ختم تا سر گذارد بر خط
بدوران ابو الغازی بهادر دوستم سلطان
فرمان

Судьба повернулась в последний раз, дабы преклонил главу
пред приказом эпохи,
Абу ал-Гази Бахадур Дустум-султан.

В этой элегии нашёл отражение тот факт, что Дустума за его справедливость прозвали Ануширваном:

سواد نسخهای ظلم شد منسوخ تا بسته
کتاب عدل را شیرازه از زنجیر نوشروان
Ученость рукописей насилия он отменил, дабы,

с тахаллусом Дустум, что следует из газали, помещенной Мутриби на страницах его *тазкира*:

تاج و تخت از جم و اسکندر دور بگرفت	شاه من مملکت بپرب و بطها بگرفت
لعل جانبخش تو انفاس مسیحا بگرفت	مرده بودم ز غم هجر تو ای جان کسی
پوست پوشید ز شرم و ره صحرا بگرفت	خال مشکین ترا دید چنان آهوی چین
راه افغان من این طارم حضرا بگرفت	دور بودم ز سر کوی تو ای ماه کسی
دل نوستوم که وی از ساغر و صهبا بگرفت	جام با یاد لب لعل تو نوشد چه عجب

Шах мой захватил царство Йасриба и Бутиха,
Отнял корону и трон у Джама и Искандара.
Я был мертв от печали разлуки с тобой, о, чья-то душа,
Твой живительный рубин захватил души христиан.
Когда китайская газель увидела твою черную родинку,
От стыда набросила кожу и убежала в степь.
О, чей-то месяц, я был далек от начала твоей улицы,
Это голубое небо переняло у меня мой гулак.
О, удивление, в память о твоих рубиновых губах пьет чашу,
Сердце Дустума, что взял он от кубка и вина¹²⁵.

Фулад-султан б. ‘Абд ал-Кудус-султан (فولاد سلطان بن عبد القوس سلطان), был, по словам Мутриби Самарканди, добронравным и сладкоречивым принцем. Он покровительствовал ученым, а временами, развлечения ради, писал стихи. После убийства отца Фулад был также умерщвлен. Мутриби приводит *руба’и*, приписываемое Фуладу:

شب از تن ناتوان بجز ناله نخواست	آمد بدل حزین ستم از چپ و راست
از حالت خود دل بزبان میگوید	جان را بسوی دوست مگر ذوق هواست

Ночь не хотела от обессиленного тела ничего, кроме
рыданья,
Подверглось опечаленное сердце притеснениям и справа,
и слева.
О своем положении сердце рассказывает [человеческим]
языком,
Разве радует душу страсть к другу¹²⁶?

Переплести книгу справедливости тесьмой из оков Ануширвана.

(см.: Мушфики, *Куллият*. Рукопись № 170 Библиотеки Восточного факультета СПбГУ, л. 53а).

¹²⁵ Мутриби Самарканди, *Тазкират аш-шарифа*, лл. 19а—20а.

¹²⁶ *Ibid.*, л. 21б.

Фахри Харави говорит, что Фулад выделялся из числа прочих узбекских ханов своей красотой, скромностью и талантом. На его *маджлисах* всегда присутствовали талантливые люди. Однажды Фулад сказал своему шуту:

— تو با چنین منظر ناخوش جوانان را چگونه رام خود سازی؟

— Как ты таким недовольным видом собираешься успокоить молодежь?

Шут немедленно ответил:

— زر بر سر پولاد نهی نرم شود.

— Положи золото на голову Фулада [= сталь] и он смягчится.

Фулад улыбнулся и простил своего шута. Фахри приводит *матла* Фулада:

هر گه که باز بر کسی پر ناز میکنی درها بروی من ز بلا باز میکنی

Всякий раз, когда ты раскрываешь над кем-нибудь крыло нежности,

Открываешь ты мне двери бедствия¹²⁷.

Итак, мы видим, что большинство представителей династии Шибанидов были весьма образованными людьми. Среди них были прекрасные поэты и страстные покровители культуры. При этом все они выделялись своей набожностью. Из чтения соответствующего раздела «Музакир-и ахбав» и «Тазкират аш-шу'ара» создается впечатление постепенного оживления культурной жизни в течение всего XVI в. Если поначалу культурная жизнь при дворе замерла: либо во главу угла ставились политические задачи, а к культурным реалиям обращались постольку, поскольку они подходили для решения этих задач, либо соответствующие правители (такие как, например, правители Самарканда Кучкунджи-хан, Фулад-султан и Абу Са'ид¹²⁸) не были готовы к восприятию (в силу недостаточного образования) культурного наследия, доставшегося им от Тимуридов. С течением времени, как в силу относительного политического спокойствия, так и благодаря деятельности таких культурных посредников, как Васафи, положение изменилось. Мы можем на-

¹²⁷ Фахри Харави, *op. cit.*, сс. 26—27; Мутриби Самарканди, *Ta'rix-и Джахангири*, л. 91а.

¹²⁸ По словам А. Н. Болдырева, они «оставались теми невежественными степняками, которыми были их отцы и деды, ночевавшие в просторах Дашти Кыпчака» (Болдырев, *Зайн ад-Дин Васафи*, с. 153).

блюдать своеобразное раскрепощение культурной жизни: правители принимают в ней все большее участие. Но настоящего расцвета она достигает в эпоху 'Абд Аллаха II. Своей интенсивности культурная жизнь не теряет в смуте, порожденной переходом власти от Шибанидов к Аштарханидам, что хорошо видно из антологий Мутриби. Аштарханиды довольно долго находились в сфере культурного влияния Шибанидов, и им не нужно было много времени на то, чтобы впитать в себя нечто новое. По сути, они были носителями культуры предшествующей династии.